

*Посвящается
Кэрри Райан и Ками Гарсия.
Эта книга для вас,
друзья мои.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить моих самых первых читателей, особенно Кэрри и Сару, которые заставили меня исследовать каждый уголок мира Джесса.

Также благодарю своих читателей, которые терпеливо ждали, пока я соберу все идеи в одну большую и превращу ее в слова.

И самое главное, спасибо всем, кто каждый день работает над тем, чтобы эти слова оказались в руках тех, кто жаждет их прочесть: библиотекарей, учителей, продавцов книг и писателей.

Вы не просто делаете этот мир лучше.

Вы создаете этот мир.

ЗАПИСКИ

Текст исторического письма, оригинал которого хранится под стеклом в Великой библиотеке Александрии и входит в ее основную коллекцию.

От писца фараона Птолемея II его превосходнейшему слуге Каллимаху, архивариусу Великой библиотеки, на третий год его славного правления:

Великий царь Птолемей, Свет Египта, принял во внимание ваш совет сделать копии наиболее важных произведений библиотеки, которые будут размещены в дочерних библиотеках, в дальнейшем именуемых серапеумами, для доступа каждому и просвещения всех людей. Фараон, который в своей божественной мудрости широк и всеобъемлющ, как река Нил, соглашается с вашим разумным предложением.

По этой же причине вам надлежит изучить содержимое Великой библиотеки и составить перечень всех произведений, в ней хранящихся. Он впоследствии будет служить отчетом об этом великом хранилище знаний о мире.

Затем вам надлежит проконсультироваться с редактором библиотеки, чтобы сделать точные копии работ, подходящих для использования в серапеумах, не забывая о необходимости предоставлять для общего пользования те произведения, которые облагораживают и просвещают людей.

Таким образом мы будем и дальше хранить знания, которые мы собрали и которым доверяем с древних времен, чтобы они дошли до будущих поколений.

Фараон также слышал ваши слова о допуске женщин без сопровождения в священное пространство серапеумов, и его божественная мудрость отвергает это предложение, поскольку более развитые умы мужчин должны наставлять женщин, чтобы те не толковали богатства, что предлагает библиотека, ошибочно. Ибо извращение знания хуже, чем его недостаток.

Фараон и боги даруют вечную милость и защиту вашей великой работе.

Дополнение, сделанное рукой Каллимаха.

Его божественная мудрость может поцеловать мою заурядную задницу. Мы ослепляем и уродуем половину мира таким невежеством, и я этого не допущу. Женщины должны иметь право учиться в серапеуме, если им хочется. Пусть казнят меня, если пожелает, но я посмотрелся в этом мире на таланты, растраченные впустую. У меня есть дочь. И моя дочь будет учиться.

ПРОЛОГ

Шесть лет назад

— **С**той смиренно, не сопротивляйся, — сказал отец Джессу и дал ему оплеуху настолько сильную, что на щеке остался красный след. Джесс тут же замер. Он не хотел ерзать, но сумка, привязанная ремнями к его голой груди, была горячей и казалась опасной, будто дикое животное, которое может в любой момент вонзить в него клыки.

Джесс поднял глаза на отца, который затягивал потуже ремни на груди сына. Когда ремни сдавили Джесса настолько, что он почти задыхался, отец бросил ему старую грязную майку.

Джесс делал это не в первый раз, так что хотя все казалось ему до сих пор пугающим, но уже не странным... И у него было предчувствие, что сегодняшний забег будет иным. Почему? Джесс пока не мог ответить на этот вопрос. И отец сегодня и выглядел напряженнее, чем обычно.

Поэтому Джесс неуверенно спросил:

— Па, мне следует что-то знать?

— Не имеет никакого чертова значения, что ты знаешь. Потеряешь эту книгу — и, если она окажется в руках полиции, тебя повесят. Если повезет. Если я до тебя не доберусь первым. Дорогу ты знаешь. Беги быстро и ловко, и лучше тебе помереть, чем отдать книгу кому-либо другому, а не тому, кто за нее заплатил.

Каллум Брайтвелл окинул своего худощавого сына придирчивым взглядом, затем вытащил из сундука рубашу и натянул ее на Джесса поверх майки. На рубаше была всего одна пуговица. Джесс ее застегнул. Рубаша была ему великовата и бол-

талась на груди, но в этом и был смысл: так не видно ремни и пряжки.

Каллум Брайтвелл кивнул и сделал шаг назад. Он был низкорослым из-за плохого питания в юности, однако на нем был изысканный костюм — ярко-желтый шелковый жилет и новенькие хлопковые брюки.

— Сойдешь за местного, — сказал он Джессу. — И не забывай держаться поближе к гонцам. Не уходи от них далеко в одиночку, если только полиция не устроит засаду. Но даже в таком случае придержишься оговоренного маршрута.

Джесс кивнул, давая отцу понять, что все понял. Он хорошо знал дорогу. На самом-то деле он знал все дороги и все до единого маршруты, по которым перемещалась его семья, чтобы обогнать своих соперников в огромном городе Лондон. Джесс тренировался с тех пор, как научился ходить, держась рукой за своего отца, а потом бегая за своим старшим братом Лиамом.

Только теперь Лиам мертв. Ему было семнадцать, когда его поймала лондонская полиция и арестовала за то, что он доставлял книги. Семья не пришла, чтобы подтвердить его личность. Лиам следовал семейному кодексу до конца. Он ничего не рассказал полиции.

И в качестве награды за его верность Лондон бросил его в безымянную яму вместе с остальными неопознанными преступниками. Лиаму было семнадцать, а Джессу теперь десять, и он понятия не имеет, как ему стать такой же легендой, как его брат.

— Пап... — Разумеется, он рисковал получить новую оплеуху или еще что похуже, однако он сделал глубокий вдох и сказал: — Сегодня не лучший день для доставки посылок, ты сам так говорил. Полиция все патрулирует. Почему мы не можем подождать?

Каллум Брайтвелл уставился в пространство над головой своего сына, на стену склада. Этот склад был одним из тех тайных мест, где отец хранил редкие ценности, и, конечно же, самые серьезные из них — книги. Настоящие, оригинальные произведения, полки и стеллажи, заполненные старыми фолиантами со всех сторон. Каллум был богатым и умным челове-

ком, а в этот самый момент, под ярким светом, льющимся из высокого узкого окна наверху, он выглядел вдвое старше своих лет.

— Просто сделай что тебе велено. Я жду, что ты вернешься через два часа. Не опаздывай, иначе я достану палку. — Отец внезапно нахмурился, помрачнев. — И, если увидишь своего безответственного брата, передай ему, что я все еще жду его и что он за все ответит. Он сегодня должен быть среди гонцов.

Несмотря на то что Джесс и Брендан родились близнецами, схожими как две капли воды, характером они не могли бы быть более разными. Джесс был смелым, а Брендан очень стеснительным. Брендан держал эмоции в себе, Джесс же часто выходил из себя и был склонен решать проблемы силой.

Джесс был гонцом. А Брендан... интриганом.

И Джесс точно знал, где его брат сейчас. Он увидел Брендана, прячущегося на втором ярусе подмостков, примыкавших к старой лестнице, что вела на крышу. Брендан наблюдал за городом, что было его давней привычкой. Ему нравилось забираться высоко, подальше от папы, который предпочитал учить своих сыновей с применением силы. А также Брендан любил уваливать от работы доставщика всякий раз, когда это было возможно.

— Если увижу, то передам, — сказал Джесс и уставился прямо на своего брата за окном. «Спускайся, гаденыш мелкий», — мысленно приказал он. В ответ Брендан лишь юркнул наверх и исчез во тьме лестницы. Брат уже уяснил, что книгу сегодня будет доставлять Джесс. И, зная Брендана, Джесс понимал, что его брат решил, что его собственная шкура куда важнее, чем возможность помочь Джессу и взять на себя роль подсадной утки.

— Ну? — сурово поинтересовался отец. — Чего ты ждешь? Что мамочка придет поцеловать тебя на удачу в лобик? За дело!

Он толкнул Джесса в сторону массивной двери склада, которую открыли трое молчаливых мужчин. Джесс не был с ними знаком, и он даже не спрашивал их имена, потому что люди часто умирали, исполняя подобную работу. Джесс замер и резко втянул в себя воздух. Мысленно приготовился. Снаружи он заметил несколько гонцов в аллее и на улице, что вилась дальше.

Увидел своих ровесников и даже детей помладше, которые тоже были готовы бежать.

Все ждали только его.

Джесс издал громкий вопль, точно боевой клич, и бросился вперед. Остальные гонцы подхватили его возглас, пугая прохожих в будничной одежде, и ноги доставщиков замелькали вокруг. Несколько ребят метнулись на улицу, что было опасно. Они бежали, оглябая кареты и игнорируя гневные крики водителей, раздающиеся им вслед. Затем все гонцы вновь собрались в одну большую группу из двенадцати человек на углу улицы, и Джесс столкнулся с ними в первый раз за этот путь. Находиться в толпе было безопаснее, учитывая, что дальше улицы выглядели чище, а прохожие были куда лучше одеты. Четыре длинных квартала жилых домов и помещений дельцов тянулись впереди. Справа красовалась таверна, которая была многолюдна даже в столь ранний час. Дорога казалась безопасной до момента, пока из овощной лавки не выскочил сердитый мужчина и не схватил одну из девочек из их числа за волосы и не поволок ее за собой. Она сама виновата. Большинство девочек собирали свои волосы в пучок на затылке или же очень коротко стриглись.

Джессу пришлось заставить себя продолжить путь и подавить в себе желание остановиться, чтобы помочь ей.

Девочка кричала и пыталась сопротивляться, однако огромный мужчина толкнул ее на тротуар и не отпускал.

— Проклятые гонцы! — заорал он. — Полиция! Полиция! Они опять бегают!

Итак, началось. «Вечно какой-нибудь ловкач, считающий своим долгом навести порядок, встречается не в свое дело», — говорил обычно в такие моменты отец Джесса. Именно поэтому он и отправлял гонцов большими группами, почти все среди которых несли какой-нибудь ничего не стоящий мусор в качестве наживки. Полицейские редко уделяли этому внимание, однако если уж начинали разбираться, то готовы были заплатить немалые деньги тем, кто обещал навести их на след контрабандистов.

Горожан возможность легкого заработка всегда завлекала, поэтому все прохожие тут же повернули головы на шум. Джесс

же опустил голову, чтобы не привлекать внимания, и продолжил бежать.

Гонцы разбежались в разные стороны, словно перепуганные птицы, а затем снова собрались. У некоторых при себе были ножи, и они ими пользовались, если их ловили. Это было опасно, очень опасно, ведь, если ребенка поймают с окровавленным ножом в руках, его ждет виселица, не важно, насколько легко окажется ранен его оппонент. Мальчишка слева от Джесса (он уже слишком вытянулся, чтобы долго продолжать работу гонцом, хотя и был, казалось, младше Джесса) очутился нос к носу с целой толпой пьянчуг, шагающих на него угрожающей стеной. У мальчишки в руках мелькнул нож, и он резво рассек лезвием воздух. Джесс успел лишь увидеть алую полоску брызнувшей крови и больше не оборачивался.

Он не мог тратить время на то, чтобы глазеть по сторонам. Ему самому нужно было выжить.

Скоро дорога разделилась на две, ведущие в разные стороны, и ребята разбежались, чтобы запутать полицию... По крайней мере, на то был расчет.

Однако на деле, когда Джесс подскочил к развилке, у него на пути вырос отряд полицейских. Они заметили его и тут же закричали.

Джесс мгновенно принял решение, неожиданное решение, за которое, он знал, папа его потом побьет: он свернул с оговоренного пути.

Джесс резко повернул направо и в следующий миг чуть не врезался в двух других гонцов: те уставились на него испуганно, как и он на них, а одна девчонка крикнула Джессу убираться с дороги. Джесс проигнорировал ее слова и нарастающую в груди боль от впившейся в грудь книги, и заставил себя бежать быстрее, чтобы всех обогнать.

Позади Джесса раздался вопль, и, обернувшись, он увидел толпу полицейских, выскакивающих из переулка. С красными от гнева рожами, в таких же красных, жутких плащах. Они быстро поймали всех.

Всех, но не Джесса. Его пока не догнали.

Он юркнул в темный извивающийся переулок, слишком узкий, чтобы даже назвать его таковым. Джесс не отличался ши-

рокими плечами, но даже он едва там пробирався, задевая кирпичные стены с обеих сторон. Ржавый гвоздь зацепился за его рубашку и оторвал рукав. Сердце пропустило удар, когда на миг Джесс испугался, что ремни, удерживающие на его груди книгу, окажутся видны, однако он не остановился, чтобы проверить. Он и так не мог теперь двигаться быстро: его окутывала крошечная тьма, а обоняние подсказывало, что сюда любили выбрасывать протухшую рыбу. Кирпичные стены были липкими и холодными на ощупь.

Джесс до сих пор слышал полицейских, их крики и возгласы позади, однако все они оказались слишком крупными и пузатыми, чтобы протиснуться в этот проход за ним. На миг, когда Джесс увидел, что стены сужаются впереди, пропуская лишь узкую полоску света, он засомневался, что сможет дойти до конца. Тоннель становился все уже, и в конце концов Джессу пришлось повернуться и шагать боком, его спина терлась о грубую кирпичную кладку, которая продолжала рвать его рубашку, превращая ткань в лохмотья. Книга давила на грудь, точно пробка в бутылке, мешая дышать, и паника подступала к горлу.

«Думай. Ты сможешь отсюда выбраться».

Джесс сделал глубокий выдох и втянул грудь, как только мог, что подарило ему еще пару сантиметров, необходимых для того, чтобы выбраться.

Шагнув из тоннеля на тротуар, он обнаружил, что стоит между двумя роскошными домами на широкой чистой улице, которую он должен был узнать, однако что-то все же казалось Джессу странным, незнакомым... А потом его осенило.

Джесс оказался всего в трех кварталах от родительского дома, его мать и отец приложили немало усилий, чтобы привести этот дом в надлежащий вид. Если Джесса поймают здесь, кто-нибудь наверняка его узнает, и тогда все обернется куда плачевнее и последствия затронут не только его. Вся его семья пострадает. Ему нужно убираться подальше отсюда. Немедленно.

Метнувшись вперед, Джесс проскользнул точно под колесами проезжающей мимо паровой кареты и устремился прямоком во тьму другого переулка. Он вел в нужном направлении, однако шел не прямо. Джесс плохо знал дороги вокруг своего

дома, он тратил усилия и время на то, чтобы изучить маршруты гонцов. Именно поэтому отец всегда настаивал на том, чтобы Джесс не сворачивал с оговоренного пути: в хитросплетениях улиц Лондона потеряться было проще простого, а потеряться, таща при себе нелегальный фолиант, равнялось самоубийству.

На следующей улице Джесс увидел впереди знакомый ориентир — сияющий купол серапеума Святого Павла, который служил символом Великой библиотеки в Лондоне, а также являлся одной из самых крупных дочерних библиотек во всей Европе. Серапеум выглядел одновременно завораживающе и пугающе, и Джесс отвел глаза, мысленно поклявшись, что никогда и ни за что не ступит туда.

Однако сейчас у него не было выбора.

На пороге серапеума появился полицейский, вперил грозный взгляд в Джесса и закричал, тыча в него пальцем. Полицейский выглядел молодо, вероятно, был того же возраста, что и Лиам был бы сейчас, если бы не оказался на виселице. У молодого человека были светлые волосы и маленький подбородок, поношенная униформа висела на его плечах так же уныло, как не по размеру большая рубаша на Джессе.

Однако Джесс был проворным. Слишком проворным для полицейского. Джесс помчался прочь, слыша прямо за собой стук ботинок полицейского и звук его сигнального свистка. Теперь полицейские преследовали Джесса уже со всех сторон. И они скоро загонят его в тупик...

Джесс выбрал единственную дорогу, которая могла помочь ему избавиться от погони. Очередную темную тесную улочку, однако тот самый полицейский оказался не таким крупным и поспешил следом, втиснувшись почти так же легко между зданиями, как Джесс. Джесс продолжал бежать, несмотря на то что его уставшие легкие горели, а его грудь сводило от ремней. Длинноногий полицейский настиг Джесса в тот самый момент, когда они добрались до другой стороны улочки, выходящей на широкий проспект. Бледный лондонский солнечный свет, казалось, ударил Джесса по голове, и пот покатился по его спине. Он испугался от мысли, что пот может испортить книгу.

Однако мысль, что его могут вот-вот поймать, пугала еще сильнее.

И опять послышался звук свистка. Полицейские приближались.

У Джесса не оставалось иного выбора. Они загоняли его в ловушку — к серапеуму. Если ему удастся избавиться от погони и добраться до библиотеки, то у него еще есть шанс. На территории серапеума действовали другие законы, и лондонская полиция не имела права схватить его там без разрешения начальства.

Впереди виднелось деревянное полицейское ограждение, выкрашенное в черно-оранжевый цвет, и очередь из посетителей, приготовивших документы для показа. Джесс собрал все оставшиеся силы в кулак, потому что проклятый длинноногий полицейский по-прежнему дышал ему в затылок и уже почти что дотянулся пальцами до его рубахи. Джесс бросился вперед, целясь юркнуть в прореху в толпе, и ускорил шаг. Когда полицейский позади него закричал, зовя на помощь коллег, Джесс схватился за деревянную перекладину, выкрашенную в цвета полос тигриной шкуры, и перепрыгнул через нее одним легким движением, и, как только его ноги коснулись земли, бросился бежать дальше. Вокруг Джесса эхом разносились испуганные и удивленные возгласы, но он лишь продолжил бежать, не обращая ни на кого внимания. Кто-то, однако, даже засмеялся и заулюлюкал ему вслед, подбадривая. Джесс самодовольно усмехнулся и осмелился бросить быстрый взгляд назад.

Полицейский остановился у ограждения — или же стражник остановил его, встав у него на пути и преградив ему дорогу. Между ними завязалась перебранка, и юный полицейский что-то рассерженно крикнул. Видимо, в его голове пульсировала кровь после погони, иначе бы он сообразил, что не следует ссориться со стражниками серапеума. Джесс понимал, что все равно у него мало времени, скоро полицейский отправит весточку своему начальству, и уже элитные стражники библиотеки начнут на него охоту. Джессу нужно скрыться и поскорее.

По улице впереди шагали не меньше пятидесяти человек, включая не меньше десятка местных ученых профессоров в развевающихся на ветру черных мантиях. Никаких паровых карет — им здесь ездить не разрешалось с тех пор, как территорию библиотеки закрыли для транспорта. Золотой купол

зловеще возвышался и сиял над головой Джесса, а ниже слышался топот бесчисленных ног.

На ступенях лестницы зияли выбоины, несмотря на попытки их скрыть, они остались после последнего взрыва, устроенного поджигателями. Следы от греческого огня¹ и тел сгоревших в тот день. Там, где это произошло, лежала груда засыхающих цветов, а смотритель старательно сгребал их в мусорный мешок. Траур подошел к концу. Пришло время жить дальше.

Джесс замедлил шаг до прогулочного, когда заметил львов. Они походили на каменных, однако выглядели до ужаса правдоподобными — дикие звери, замершие в момент опасной схватки, напоминающей о гневе, крови и смерти, готовые растерзать в клочья в любой момент. Джесс слышал об автоматизированных стражах, машинах, которые двигались сами по себе, но вживую они оказались куда более устрашающими, чем он их себе представлял. Особенно сейчас, когда Джесс стоял близко к львам и мог рассмотреть их во всех деталях.

Рискуя, Джесс опять осмелился обернуться. Лондонская полиция наверняка соберет целый отряд, чтобы встретить его на другой стороне территории библиотеки — если, конечно, стражники серапеума не успеют добраться до Джесса первыми. Ему следовало бы бежать, и бежать быстро, как пуля, но он едва переставлял ноги.

Джесса парализовал страх. Ужас от преследования и мысли о том, что на него объявлена охота.

А потом один из автоматизированных львов повернул к Джессу свою каменную голову. Его глаза вспыхнули красным. Красным, словно кровь. Словно огонь.

Они чуют его, его запрещенную книгу. Или, быть может, просто его страх.

По телу Джесса прокатилась волна ледящего страха, настолько сильного, что он чуть не обмочился, однако ему каким-то чудом удалось вынести этот испепеляющий взгляд, шагая дальше. Он повернул на небольшую улочку слева и решил держаться ближе к середине дороги, где, как ему казалось, пеше-

---

¹ Греческий огонь — горячая смесь, применявшаяся еще в Средневековье во время военных действий.

ходы, которым разрешено было находиться на территорииセラпеума, выглядели более-менее приветливыми. Джесс мог только надеяться на то, что в толпе ему удастся скрыться от тех кроваво-красных глаз.

Грациозный и смертельно опасный лев поднялся на своих шарнирах, тряхнул головой и направился куда-то, не издавая ни звука. Остальные звери тоже будто бы пробудились, потянувшись, и их глаза засияли красным светом.

Женщина посреди улицы (она только что прошла пункт досмотра) взвизгнула от испуга, прижимая свою сумочку к груди, и бросилась наутек. Несколько человек, поддавшись ее панике, тоже бросились бежать в разные стороны, и Джесс воспользовался моментом, метнувшись следом, надеясь, что они прикроют его, как гонцы, хотя они и понятия не имели, что сейчас становятся частью его противозаконной банды.

Когда Джесс снова осмелился оглянуться, двое автоматизированных львов шли позади него. Они не спешили. Им не нужно было стараться, чтобы нагнать людей.

Первый лев уже добрался до самых медленных из бежавших людей — до женщины-ученого, одетой в неудобную мантию и тащившей тяжелую сумку, которую она по глупости не желала бросить. Страж прыгнул на нее. Джесс замер на миг, потому что это было самое грациозное и самое ужасающее зрелище на его детской памяти. Он видел, как женщина обернулась, как она увидела, что ее поджидает, и паника отразилась на ее лице. А потом ее вопль внезапно и резко стих, когда огромный лев накрыл ее...

...Однако этот лев так и не отвел горящих глаз от Джесса. Он убил ее и тут же забыл о ней, продолжив приближаться к мальчику. Джесс уже мог слышать, как звякают и лязгают механизмы в теле чудовища.

Теперь у Джесса не было времени на страх и панику.

Раньше он думал, что всегда бежит очень быстро, но сейчас — сейчас! — увидев своими глазами, как смерть преследует его по пятам, Джесс помчался со скоростью ветра. Он буквально ощущал, как его тело пронзает воздух. Он знал, что люди вокруг него кричат, зовя на помощь и моля о пощаде, но в то же время ничего не слышал. Далеко на другом конце

улицы стояло другое полицейское ограждение, и там другая толпа горожан собралась на пропускном пункте, однако они начали разбегаться. Львы не должны были охотиться на кого-либо за пределами территории серапеума Святого Павла, однако никто не желал проверять это на практике. Даже сами полицейские забыли про свой пост и унеслись прочь вместе с толпой.

Джесс оказался у ограждения первым и перескочил через него в тот самый момент, когда львы поймали и раздавили двух людей у него за спиной. Джесс запнулся и упал, догадываясь — зная, — что в следующую секунду его настигнет смерть. Он перевернулся на спину, чтобы видеть, что его ожидает, затаил дыхание и выставил руки в отчаянной попытке защититься.

Зря. Львы остановились у ограждения. И начали медленно отходить, таращась на Джесса обжигающими гневом красными глазницами. Они не стали — или не могли — перепрыгнуть тонкое деревянное ограждение, чтобы наброситься на Джесса.

Один из львов зарычал. Звук походил на камни, трущиеся друг о друга, смешиваясь с воплями умирающих, и Джесс заметил острые клыки в пасти льва... а затем оба зверя развернулись и как ни в чем не бывало отправились обратно на улицу, к своему пьедесталу, где уселись в поджидающей позе.

Джесс видел кровавые следы, которые оставили на дороге их лапы, и изуродованные тела людей вокруг, и он ни за что бы теперь не смог забыть — знал, что никогда не сможет забыть, — взгляд, полный ужаса и отчаяния, на лице той женщины, которую разорвали первой.

«Это моя вина».

Нет, он не мог думать об этом. Только не сейчас.

Джесс перекатился по земле и неуклюже поднялся на ноги, юркая в толпу перепуганных людей. Он вернулся на свой маршрут, обогнув несколько длинных неуютных кварталов. Полицейские, похоже, потеряли желание преследовать его теперь. Несчастный случай наверняка как-то логично объяснят в новостях, никто ведь не хочет слышать о том, что автоматизированные зверушки в библиотеке сошли с ума и убили невинных людей. Поговаривали, что подобное случалось и прежде, однако прежде Джесс не верил в это.

Он остановился у фонтана на улице, чтобы выпить воды и попытаться успокоить свои трясущиеся руки и ноги, а затем заскочил в общественный туалет, чтобы удостовериться, что книга в целости и сохранности под ремнями на его груди. Все было в порядке. Джесс теперь зашагал медленнее и прибыл к назначенному месту всего на несколько минут позже оговоренного времени — изнеможенный, однако более-менее успокоившийся. Ему лишь хотелось поскорее закончить с этим делом, вернуться домой, каким бы неприветливым этот дом ни был.

«Приободришься, сын, — он почти что слышал суровый голос отца в своей голове. — Никто не живет вечно. Считаю, сегодня тебе повезло».

Может, это и было везение, думал Джесс, однако оно оставило после себя совсем не приятное послевкусие.

Ему было велено найти мужчину в красном жилете, и этот мужчина как раз был здесь, спокойненько сидел за уличным столиком. Он попил чай из фарфоровой кружечки. Джесс не был с ним знаком, однако отлично знал подобного рода людей: нечестных богачей, ленивых, уверенных, что коллекционирование значимых вещей делает их самих значимыми персонами. Каждый предмет одежды этого человека выглядел сшитым на заказ и идеальным.

Джесс знал, как к нему обратиться. Он подбежал к мужчине, изобразив на лице невинность, как только мог, и спросил:

— Сэр, пожалуйста, не могли бы подать мне пару монет для моей больной матушки?

— Больной, а? — Мужчина вскинул свои лоснящиеся брови и отставил чашку. — И чем же болеет эта женщина?

Это был наводящий вопрос, Джесс уставился мужчине прямо в глаза и ответил:

— У нее болит живот. Вот тут. — Он осторожно указал пальцем на свою грудь, точно где ремни топорщились над книгой.

Мужчина кивнул и улыбнулся.

— Что ж, это, пожалуй, того стоит. Пойдем со мной, я тебе помогу. Пошли-пошли, не бойся.

Джесс последовал за мужчиной. За углом их поджидала изящная паровая карета, украшенная орнаментом из золота, серебра

и черной эмали, с гербами на ручках двери, которые Джесс не успел хорошенько рассмотреть, потому что мужчина затолкал его внутрь. Джесс ожидал, что покупатель заберется в карету следом за ним, однако этого не произошло.

Внутри кареты висела длинная лампа, отбрасывающая вниз бледный золотистый свет, и Джесс осознал, что человек, которого он принял за покупателя, был всего-навсего слугой.

Пожилой мужчина, сидящий теперь напротив Джесса, выглядел куда более величественно. Черный отглаженный костюм, под пиджаком рубашка из дорогого шелка, и в целом мужчина выглядел холеным. Джесс заметил блеск золотых запонок на манжетах и огромного бриллианта на булавке, пронзающей шелковый галстук мужчины.

Единственным, что выбивалось из образа этого джентльмена, были его холодные, словно лед, глаза, окруженные мягкими морщинками. Глаза точно как у убийцы.

«А что, если дело тут не в книге?» — подумал Джесс. Он знал, что бывало, что детей похищали ради жутких целей, однако его отец всегда был предусмотрительным и жестоко наказывал тех, кто пытался обмануть гонцов... и это случалось достаточно редко теперь, ведь даже джентльмены понимали, что им не спрятаться от всевидящих карающих Брайтвеллов.

Однако, глядя на этого человека, Джесс не чувствовал себя в безопасности. Он боязливо покосился на широкое окно, но все окна были затемненными. Никто на улице не увидит, что происходит внутри кареты.

— Ты опоздал, — голос у джентльмена оказался мягким и ровным. — Я не привык ждать.

Джесс сглотнул.

— Простите, сэр. Всего на минуту, — осторожно ответил он. Он расстегнул свой жилет, снял рубашку и начал ослаблять ремни, держащие книгу. Как он и боялся, все пропиталось потом, однако книга была хорошо завернута, и многослойная вошенная ткань уберегла ее от повреждений. — С книгой все в порядке.

Мужчина выхватил фолиант из рук Джесса, точно изголодавшийся по табаку, который увидал наконец курительную трубку, и быстро разорвал упаковку. Он медленно выдохнул,

когда его дрожащие пальцы прикоснулись к изысканному кожаному переплету.

С изумлением Джесс осознал, что отлично знает, что это за книга. Он не раз видел ее под стеклянным колпаком в самом дальнем и темном тайнике своего отца. Джесс не знал пока греческого, однако был прекрасно осведомлен о том, что означали буквы на кожаной обложке, потому что этому хотя бы отец его научил. Эта книга являлась единственной существующей копией книги «О создании сферы», написанной Архимедом, а также одной из первых книг, когда-либо переплетенных. Оригинальный свиток был уничтожен поджигателями Александрийской библиотеки много лет назад, однако до того люди успели сделать одну копию. Вот эту. За обладание такой книгой грозила смертная казнь. «Когда вы крадете книгу, вы крадете ее у всего мира», — любили повторять библиотечные пропагандисты, и Джессу казалось, что это и правда так.

Особенно в случае с этой книгой.

Джесс бежал через весь город с самой редкой и самой ценной вещью во всем мире. Неудивительно, что отец не осмелился сказать Джессу, что это была за книга.

Мужчина посмотрел на Джесса, в глазах у него плясал лихорадочный огонек.

— Ты даже не представляешь, как долго я ждал этого момента, — сказал он. — Ничто не может сравниться с чувством, которое возникает у тебя, когда в твоих руках оказывается лучшее из лучших, мальчик мой. Ничто.

С ужасом Джесс наблюдал, как мужчина вырывает страницу из книги и засовывает себе в рот.

— Прекратите! — воскликнул Джесс и выхватил книгу из его рук. — Что вы творите?

Пожилой джентльмен оттолкнул Джесса своей покрытой серебром тростью и прижал его к стене кареты. С дьявольской усмешкой он выдрал новую страницу из книги, прожевал и проглотил.

— Нет, — прошептал Джесс. Страх поглотил его, и Джесс даже не мог до конца понять почему. Ему казалось, что он наблюдает за убийством. За осквернением святыни. И все равно происходящее походило на нечто даже худшее. Даже в его се-

мье, занимающейся торговлей на черном рынке, книги считались святыней. Только поджигатели могли думать иначе. Поджигатели и подлое существо, которым, как оказалось, являлся этот пожилой мужчина.

С непринужденным видом мужчина вырвал новую страницу из книги. Теперь он выглядел умиротворенным. Спокойным.

— Ты понимаешь, что я делаю, мальчик мой?

Джесс покачал головой. Все его тело трясло от ужаса.

— Среди моих друзей есть те, кто потратил немало денег на то, чтобы выследить и поймать на охоте последнего представителя редкого вида животных, а затем подать его мясо на ужин своим семьям. Теперь моя очередь. Никому больше не достанется такой шанс.

— Вы сумасшедший, — зашипел Джесс. У него сдавило глотку, ему казалось, его может вот-вот вырвать на роскошные украшения и кожаные сиденья кареты, и все равно он не мог сделать вдох, чтобы успокоиться.

Богатей прожевал и проглотил еще одну страницу, и выражение его лица исказилось от недовольства.

— Придержи язык, пацан. Ты невежа из трущоб, пустое место. Я бы мог убить тебя и бросить твоё тело прямо тут, и никто бы даже не заметил и не забеспокоился о тебе. Однако ты недостаточно ценен, чтобы марать о тебя руки. Таких, как ты, кишмя кишит. — Он выдрал еще одну страницу. Когда Джесс снова попытался высвободиться и выхватить книгу, пожилой мужчина отдернул фолиант подальше от рук Джесса и больно ударил его по голове своей тростью.

Джесс отшатнулся, слезы выступили у него на глазах, и в голове зазвенело, точно колокол в серапеуме Святого Павла. Мужчина постучал по двери кареты. Слуга в красном жилете тут же распахнул дверь и дернул Джесса за руку, выволакивая его на брусчатую дорогу.

Джентльмен выглянул из кареты и ухмыльнулся, продемонстрировав свои перемазанные чернилами зубы. Затем он кинул что-то Джессу, упавшему посреди дороги, — его порванную рубашу и жилет. И одну-единственную золотую монету.

— За твою работу, поганец, — сказал мужчина и смял очередную прекрасную страницу, чтобы разжевать ее.

Джесс понял, что плачет, хотя и не понимал почему, разве что потому, что знал: он никогда больше не сможет жить как прежде, после того как стал свидетелем произошедшего в карете. Никогда не сможет это *забыть*.

Слуга в красном жилете забрался на место водителя. Он посмотрел немигающим, безучастным взглядом на Джесса сверху вниз, а затем завел мотор.

Джесс видел, как пожилой джентльмен внутри кареты кивнул ему, а потом захлопнул дверцу. Карета дернулась с места и начала удаляться.

Джесс подскочил на ноги.

— Подождите! — закричал он, но без толку. Своим воплем он лишь привлек внимание прохожих к тому факту, что был наполовину раздет и что на груди его красовались ремни книжного контрабандиста. Джесса тошнило. Смерти людей, раздавленных лапами львов в библиотеке, его испугали, однако вид того, как намеренно уничтожают книгу — особенно такую ценную книгу, — подействовал на него еще хуже. Святой Павел говорил: «Жизнь коротка, а знания вечны». Джесс и вообразить не мог, что кто-то может оказаться настолько бездушным, чтобы захотеть уничтожить такую ценность, лишь бы заполнить пустоту в душе.

Карета исчезла за поворотом, и Джессу нужно было убираться отсюда тоже — не важно, насколько отвратительно он себя чувствует. Он опять затянул ремни на своей груди, накинул рубашку через голову и натянул жилет, а затем зашагал — бежать больше сил не было — в сторону склада, где его ждал отец. Город у него перед глазами расплылся в пятно из цветов и лиц прохожих.

Он не чувствовал ног, и все его тело почти непрестанно трясло. Так как маршрут Джесс знал настолько хорошо, что мог пройти по нему даже с закрытыми глазами, он шел и сворачивал в нужные стороны, даже не задумываясь и не замечая их, пока не осознал, что стоит прямо перед складом своего отца.

Один из охранников заметил Джесса на пороге, выскочил и поспешно завел внутрь.

— Джесс? Что случилось, мой мальчик?

Джесс моргнул. На лице мужчины отразилась в тот момент искренняя тревога, он совсем не походил на убийцу, каким считал его Джесс. Джесс тряхнул головой и потер рукой лицо. Рука оказалась мокрой.

Мужчина нахмурился, когда Джесс так ничего и не сказал, и кивнул одному из своих приятелей, который тут же бросился искать отца Джесса. Джесс уселся в уголок на полу склада, его по-прежнему трясло, и когда он поднял голову, то увидел перед собой свое зеркальное отражение, тарашащееся в ответ. Почти что зеркальное — так как у Брендана волосы были чуть длиннее, а еще у него на подбородке красовался крошечный шрам.

Брендан присел рядом и посмотрел своему брату в глаза.

— Ты в порядке? — спросил он. Джесс покачал головой. — Тебя же не покалечили, нет? — Когда Джесс не ответил, Брендан наклонился ближе и спросил шепотом: — Ты что, на скрипача наткнулся?

Скрипачами местные называли извращенцев, как мужчин, так и женщин, которые получали удовольствие от утех с детьми. Впервые Джесс вспомнил, что у него есть голос.

— Нет, — сказал Джесс. — Ничего такого. Но еще хуже.

Брендан непонимающе моргнул.

— Что может быть хуже встречи со скрипачом?

Джессу не хотелось рассказывать, да ему и не пришлось. Дверь кабинета на втором этаже распахнулась. Брендан подскокил на ноги и опять исчез — быстро вскарабкавшись по лестнице, он притаился в хранилище, где прятали книги.

Отец подошел к своему старшему сыну, прижавшемуся к стене склада, и спешно осмотрел его на наличие ран. Когда ран он не обнаружил, то стянул с Джесса жилет и рубаху. Каллум с облегчением выдохнул, когда увидел, что книги нет.

— Доставил, — сказал он и поощрительно потрепал сына по голове. — Хороший мальчик.

От слов одобрения отца слезы накрыли Джесса новой волной, однако он их проглотил. «Я такой чувствительный», — подумал он, и ему стало стыдно. Ему ведь никто не причинил боли. Никакие скрипачи ему не встретились на пути. Так почему он так погано себя чувствует?

Джесс сделал глубокий вдох и рассказал отцу все. Все о лхвах и погибших людях, о джентльмене в карете, о смерти книги «О создании сферы». Потому что именно так это выглядело в глазах Джесса — как смерть. Убийство чего-то уникального и незаменимого. Вот, осознал он, почему у него было так погано на сердце: это печаль. Он оплакивал книгу и ужасался при мысли о произошедшем.

Джесс полагал, что его отец (человек, глубоко в душе все-таки любивший книги, которые он покупал и продавал, пусть и незаконно) рассердится или, на худой конец, скажет, что разделяет печаль своего сына. Вместо этого же Каллум Брайтвелл выглядел смирившимся.

— Тебе повезло вернуться живым, Джесс, — сказал отец. — Он, вероятно, опьянен своей властью, раз позволил тебе просто уйти после того, что ты увидел. Мне жаль. Такие, как он, и правда существуют в нашем мире. Мы называем их лизунами чернил. Гнилые люди.

— Но ведь... это же была книга. Книга, написанная самим Архимедом. — Внезапно Джесс со всей ясностью понял, что, когда он наблюдал за уничтожением книги, он видел свет знаний, покидающий мир. — Зачем ты так поступил, папа? Зачем ты продал ему эту книгу?

Каллум отвел глаза. А потом похлопал Джесса по плечу и сжал его так сильно, что чуть не сломал Джессу кости.

— Потому что это наша работа. Мы продаем книги тем, кто платит за привилегию их получить, и тебе лучше бы уяснить, что не наше дело, что случается с этими книгами потом. И все-таки ты молодец. Хорошо поработал сегодня. Из тебя выйдет отличный Брайтвелл.

Отец всегда серьезно относился к личным журналам, требуя, чтобы его дети записывали происшествия дня перед сном. Поэтому и сегодня, перед тем как ложиться в постель, Джесс взял ручку в руки. Немного подумав, он описал лизуна чернил и свои чувства при виде того, как тот сжевал редкую, прекрасную вещь. Папа всегда говорил, что эти записи нужны для будущего, чтобы не забывать родных, когда тех не станет... и он требовал, чтобы в заметках не было и слова о работе, ибо работа не относится к семье. Поэтому Джесс не стал описы-

вать то, как бежал через весь город, доставляя книгу. Он только написал об извращенце и о том, как он чувствовал себя в тот момент, когда увидел съеденные страницы. Скорее всего, папа не будет рад и этим деталям повествования, однако никто не читал личные журналы. Даже брат не осмелился бы заглянуть в его записи.

Джесс плохо спал той ночью, его сны наводняли кровь, львы и перепачканные чернилами зубы, и он понимал, что ничего из того, что он сделал, нельзя было назвать хорошей работой.

Однако таков был мир, в котором он жил. В Лондоне, в две тысячи двадцать пятом году.

ЗАПИСКИ

Изобретение, представленное ученым Иоганном Гутенбергом в 1455 году. По приказу верховного архивариуса, предназначено исключительно для Черных архивов и только для использования хранителями Библиотеки.

Одно можно сказать с уверенностью: само по себе основание Великой библиотеки, начиная с «Доктрины об отзеркаливании», вверяет знания всего человечества в руки скрываателей и полностью полагается на их работу, поэтому данную систему нельзя поддерживать вечно.

Я предлагаю чистейшего вида механическое решение. В прилагаемых чертежах представлено устройство, которое сподобно эффективно и в точности копировать тексты без необходимости вовлекать в дело скрываателей. Оно работает на основе простых вырезанных руками букв, рамы, на которой они размещаются, чернил и обыкновенной бумаги. С помощью такого метода мы сможем упразднить «Доктрину об отзеркаливании» и создать вместо нее быстрый и легкий способ репродуцировать наши книги.

Я создал готовую к использованию модель и копировал страницу, которую вы держите сейчас. Она первая в своем роде, и я верю, что это изобретение изменит будущее.

Tota est scientia¹.

---

¹ Знания — наше все (лат.).

Аннотация, написанная рукой верховного архивариуса.

К сожалению, господин Гутенберг стал жертвой этой немыслимой ереси. Он не понимает опасности того, что сам предлагает. Без постоянного и тщательного руководства Библиотеки данное устройство позволило бы без всякого контроля распространять не только знания, но и глупость. Представьте себе мир, в котором кто угодно и где угодно смог бы создавать и распространять свои собственные слова, какими бы невежественными или ошибочными они ни были! И мы уже много раз наблюдали опасный прогресс, который едва успевали пресечь, чтобы предотвратить хаос.

Подобное устройство, конечно же, должно быть уничтожено, а все подобные исследования запрещены. К сожалению, становится очевидным, что господину Гутенбергу нельзя доверять. Мы должны заставить его утихомириться и выбросить эту смертельно опасную ересь из головы.

Я понимаю, что Гутенберг станет для нас огромной потерей, однако мы не можем позволить себе дать сладину, если мы хотим, чтобы Библиотека выстояла против этой агрессивной болезни прогресса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наши дни

Знаком того, что тайник Джесса обнаружили, стал жесткий шлепок по голове. Он так увлекся чтением, что даже не услышал, как скрипят доски у него за спиной.

Он первым делом попытался защитить книгу, поэтому оборонительно согнулся над деликатными страницами, не разгибаясь даже, когда спрыгнул со своего кресла и освободил правую руку, чтобы достать нож... но это оказалось лишним.

— Братец, — удивился Джесс. И все же не убрал руку с оружия.

Брендан смеялся, но смех его звучал безрадостно.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — сказал он. — Тебе нужно найти новые места, чтобы прятаться, Джесс. Кто знает, как долго еще папа не разнюхает конкретно об этом. Чем ты увлекся на этот раз? — Они повзрослели и теперь уже не выглядели одинаковыми. Прическа Брендана превратилась во всклокоченную копну волос, которая наполовину скрывала шрам, который он получил во время одного из забегов, однако оба брата были одного роста, поэтому их глаза оказались сейчас на одном уровне. Джесс сердито уставился в ответ.

— *Inventio Fortunata*¹. Рассказ о монахе из Оксфорда, который побывал в Арктике и вернулся сотни лет назад. И папа не найдет этот тайник, пока ты ему об этом не расскажешь.

---

¹ «Удачное открытие» (*лат.*) — утерянная книга, предположительно датированная XIV веком, содержащая описание Северного полюса, окруженного гигантским водоворотом и четырьмя континентами.

— Звучит скучно, — Брендан приподнял одну бровь. Этот трюк выходил только у Брендана, Джессу никогда не удавалось его повторить, так что Брендан постоянно его использовал — просто потому что знал, что это раздражает брата. — Так что убеди меня, что я не должен выдавать твой секрет. — Брендан уже в юном возрасте научился ремеслу заключения беспощадных сделок, как и их отец, и это вовсе не комплимент. Джесс сунул руку в карман и достал маленький подарок, который Брендан забрал с очевидным удовлетворением. — Договорились. — Он натренированным движением повертел монету в руке, как иллюзионист, позволив той прокатиться туда-обратно по костяшкам его пальцев.

— Чтоб тебя, Малявка, я вообще-то *читал*. — Джесс называл своего брата *Малявкой*, только когда очень сильно на него сердился, потому что это звучало жестоко: Брендан был младше всего на несколько секунд, но родился очень маленьким, так что все поначалу опасались за его здоровье. Точно в довесок, в придачу. Малявка.

Однако если Брендана до сих пор и раздражало это прозвище, которое некогда вызывало у него гнев, то он отлично скрывал свои чувства. Он лишь пожал плечами в ответ.

— Как всегда говорит папа, мы продаем эти вещицы, нам не следует ими пользоваться. Так что то, чем ты занимаешься, — это пустая трата времени.

— В отличие от того, чем занимаешься ты, да? От твоих пьянок и игр.

Брендан бросил промокшую газету London Times на пол между ними. Джесс осторожно отложил Inventio Fortunata и поднял газету. Стряхнул капельки воды с первой страницы. На заголовке красовался рисунок — лицо человека, которого Джесс тут же узнал. Джентльмен заметно постарел, однако гнусную ухмылку этого подонка невозможно было забыть. Невозможно выкинуть было из головы и измазанные чернилами зубы, которые прожевали бесценные слова, написанные гением тысячи лет назад.

Брендан сказал:

— Помнишь его? Опоздали на шесть лет, но наконец-таки поймали твоего лизуна чернил. При загадочных обстоятельствах, если верить официальной версии.

— А на самом деле?

— Кто-то воткнул нож ему под ребра, прямо когда он выходил из клуба, так что все и правда загадочно. Дело пытаются замять. Наверняка обвинят во всем поджигателей в конечном итоге, если они вообще примут обвинения в преступлении. Никому не нужна причина, чтобы обвинить поджигателей.

Джесс поднял глаза на своего брата и чуть не спросил: «Это твоих рук дело?» — однако, по правде сказать, он не хотел знать ответ на этот вопрос.

— И ты что, проделал такой длинный путь сюда, просто чтобы показать мне эту газету? — поинтересовался Джесс вместо этого.

Брендан снова пожал плечами и сказал в ответ:

— Я подумал, что эта новость поднимет тебе настроение. Я же знаю, что ты всегда переживал из-за того, что этого негодяя так и не поймали.

Газета была утренней, а сейчас уже, скорее всего, стемнело, потому что, когда Джесс вернул ее брату, статьи сами собой стерлись, и на их месте возникли новые. Лизун чернил, однако, остался на передовице, и это, наверно, потешило бы самолюбие этого гнусного существа.

Брендан свернул газету и сунул в карман. Стекающая с него дождевая вода образовала лужу на полу, и Джесс кинул ему грязное полотенце, которым вытирал свои ботинки. Брендан усмехнулся и кинул полотенце обратно.

— Ну так что? — поинтересовался он. — Ты домой собираешься?

— Позже.

— Папа хочет поговорить.

Разумеется, папа хотел поговорить. Отцу не нравилось, когда Джесс пропадал где-то надолго, особенно с тех пор, как он решил обучать сына, чтобы передать впоследствии ему семейный бизнес. Но была проблема: у Джесса отсутствовало желание этим бизнесом заниматься. Джесс знал, как устроена работа контрабандистов, однако Брендан желал этого куда больше, да и должность Каллума Брайтвелла пошла бы ему куда лучше. Скрываясь ото всех, Джесс чувствовал себя свободным, к тому

же это давало Малявке возможности, которые младшие сыновья обычно не получали.

Однако Джесс вряд ли бы признался Брендану или кому-либо еще, что он поступает так в равной степени как ради своего брата, так и ради себя.

— Плевал я на отца. Приду домой, когда захочу прийти домой. — Джесс снова опустился в кресло. Оно было старым и пыльным, украденным из дома какого-то богатенького банкира, и Джессу пришлось тащить кресло самому почти целый километр до этого наполовину обрушившегося особняка на Уоррен-стрит. Дом выглядел слишком плачевно для потенциальных покупателей, но слишком помпезно для переселенцев. Так что представлял собой отличное убежище для Джесса, где никто не мешал ему заниматься своими делами.

По этой причине было особенно обидно теперь, что Брендан его отыскал. Потому что, несмотря на монету, отданную за молчание, Джессу придется искать новое убежище. Он не доверял брату, не верил, что тот хотя бы намеком не выдаст этот тайник... ради своей выгоды, разумеется. А значит, придется тащить с собой и это кресло. Снова.

Брендан не шевельнулся. С него до сих пор стекала дождевая вода на старый дощатый пол. Он смотрел на брата уверенно и не моргая, без капли веселья в глазах.

— Папа сказал, прямо сейчас, Джесс. Пошевеливайся.

Невозможно было спорить, когда Брендан начинал говорить подобным тоном; иначе все перейдет в драку, беспощадную драку, и Джессу не очень-то хотелось проигрывать. Он проигрывал всегда, потому что в глубине души не хотел причинять боль своему брату.

У Брендана же подобного чувства, похоже, не возникало.

Джесс аккуратно завернул хрупкую книгу в водонепроницаемую материю, затем сунул в сумку с ремнями. Он скинул свободную рубашку и застегнул ремни на груди быстрыми, отточенными движениями, даже не задумываясь о своих действиях, а затем накинул рубаху и надел жилет, чтобы тайного груза под ними не было видно. Теперь Джесс не был оборванцем-гонимом, каким служил раньше, теперь его рубашка была скроена из хлопка, а шелковый жилет роскошно расшит. Поверх всего

этого он надел еще и кожаный плащ, чтобы защититься от дождя, и швырнул второй плащ в руки брата, который натянул его, не произнеся ни слова благодарности в ответ.

Затем вдвоем они, шестнадцатилетние зеркальные отражения друг друга, но в то же время не похожие, точно были из разных миров, отправились вместе в город.

Брендан скрылся, как только они добрались до родительского дома; он побежал вверх по лестнице, мимо перепуганной его шагами служанки, которая тут же, однако, отругала его вслед за грязь, оставленную на коврах. Джесс смахнул с себя капли дождя, стоя в фойе дома, затем отдал свой мокрый плащ горничной и тщательно вытер ботинки, прежде чем ступить на отполированный деревянный пол.

Мать вышла из гостиной, в которой обычно принимала гостей, хотя время и было уже поздним для дружеских визитов. Она окинула взглядом Джесса с головы до ног. Должно быть, его вид ее удовлетворил — она подошла и поцеловала своего старшего сына в щеку. Она была изящной симпатичной женщиной средних лет, виски у нее уже начинали седеть, но это было едва заметно на ее пепельных от природы волосах. От нее пахло лавандой и копотью. Темно-синее платье, в котором она была сегодня, ей очень шло.

— Не сердись сильно своего отца, — сказала Джессу мать и положила руку ему на плечо. — Он снова сегодня не в настроении, как это часто бывает. И ради меня постарайся вести себя цивилизованно.

— Я постараюсь, — ответил Джесс, но это было пустым обещанием. Как пуста была и ее показная забота. Он никогда не был истинно близок со своей матерью. В этом, как и во многом в своей жизни, Джесс оставался одинок.

Он покинул мать, по-прежнему стоящую в коридоре, которая тут же принялась поправлять букет со свежими ромашками и розами, и отправился в глубь коридора в сторону кабинета отца. Джесс вежливо постучал в закрытую дверь, а потом услышал невнятное ворчание, которое означало, что ему позволено войти.

Кабинет был отделан темным деревом, и лишь пламя в камине тускло освещало стены. Полки вокруг уставлены книгами с официальными печатями библиотеки на корешках, все упорядочено по цвету; отец предпочитал читать биографии и исторические труды, поэтому здесь преобладали фолианты с обложками из темно-красной и синей кожи. Отец заплатил за право хранить постоянную коллекцию книг в доме, поэтому большинство этих книг никогда не утратят срока годности, слова на их страницах не сотрутся и не исчезнут.

Вокруг не было ни единого оригинального произведения в твердом переплете. Каллум Брайтвелл ничем не выдавал, что мог являться кем-либо помимо успешного бизнесмена, занимающегося импортом товаров. Сегодня он был одет по моде Дальнего Востока, на нем красовался красно-оранжевый жилет из китайского шелка, видневшийся из-под пиджака.

— Отец, — произнес Джесс, дожидаясь, когда папа поднимет глаза и заметит его.

Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы Каллум перестал водить ручкой по странице своего личного журнала и сказал наконец:

— Присядь, Джесс. Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— Да, Брендан мне уже сказал.

Каллум отложил ручку для письма и сложил руки перед собой, переплетя пальцы. Его стол был сделан из дорогого махагониевого дерева с резьбой, изображающей морды фантастический зверей и их огромные когтистые лапы, которые всегда напоминали Джессу о львах в библиотеке.

Джесс сел на стул подальше от этого жуткого стола. Отец нахмурился. Вероятно, он счел это знаком неуважения. Джесс никогда не осмеливался сказать отцу, что дело тут просто-напросто в его плохих воспоминаниях.

— Тебе нужно перестать шататься где попало, — сказал отец. — Погода неподходящая для долгих прогулок. К тому же у меня есть для тебя работа.

— Прости, — сказал Джесс.

— Может, ты знаешь, куда делся мой экземпляр *Inventio Fortunata*? Один клиент им заинтересовался.

— Не знаю, — соврал Джесс, и ему показалось, что книга, спрятанная под его рубашкой и жилетом, стала внезапно чуточку тяжелее. Отцу обычно было плевать на конкретные книги, и Джесс всегда с осторожностью выбирал их — брал те, которые не планировалось никуда отправлять в ближайшее время. — Хочешь, чтобы я ее поискал? Скорее всего, ее просто поставили не на ту полку.

— Не важно. Продам этому клиенту что-нибудь другое. — Отец отставил свой стул и поднялся на ноги, начав размеренно прохаживаться вдоль стола. Джесс едва сдержался от того, чтобы тоже не встать. Но это будет выглядеть подозрительно. Вроде ничто не предвещало опасности, однако папа всегда отлично маскировал свои внезапные порывы жестокости. Лучше уж Джессу оставаться начеку, чем показывать свою слабость и страх. — Пришло тебе время заняться делом, мой мальчик. Ты уже взрослый.

Как будто он не занимался делом раньше, рискуя жизнью все свое детство. Джесс заметил, что с каждым шагом отец подходит все ближе, двигаясь полукругом, но неумолимо приближаясь.

— Даже не спросишь, о чем я говорю, а? Молодец. Вы с братом оба такие: всегда думаете головой. Это означает, что у тебя острый ум, и это хорошо. Острый ум тебе пригодится в нашем холодном, жестоком мире.

Джесс был готов, и все же отец оказался быстрее; он бросился вперед, схватил ручки стула, на котором сидел Джесс, и навис над сыном. Несмотря на свои шестнадцать лет, несмотря на свой высокий рост и достаточный вес, Джесс внезапно снова почувствовал себя десятилетним мальчишкой, ожидающим оплеухи или удара.

Он заставил себя собраться мысленно и приказал себе принять этот удар без содроганий, однако удивительно — отец его даже не тронул. Он просто уставился на парня, замерев слишком близко, нарушая личные границы, и Джессу потребовалось немало силы воли, чтобы выдержать немигающий ледяной взгляд отца.

— Ты не хочешь заниматься нашим семейным бизнесом, сын. Это очевидно, — произнес наконец отец. — Однако, по правде сказать, ты и не очень подходишь для того, чтобы управ-

лять им. Тебе бы больше подошло ремесло ученого. Чернила у тебя в крови, и этого не исправить. Книги никогда не станут для тебя просто работой.

— Я всегда выполнял все, что ты поручал мне, — сказал Джесс.

— И я никогда не поручал тебе что-либо, что, по моему мнению, ты не смог бы выполнить. Если бы я поручил тебе бросить в огонь ту книгу, которую ты сейчас прячешь под своей рубахой, ты бы не справился с этим, очевидно.

Джесс сжал руки в кулаки, ему пришлось прикусить язык, чтобы не перейти на крик:

— Я не какой-то там проклятый поджигатель. — Ему каким-то чудом удалось сохранить спокойный тон.

— Именно об этом я и говорю. В нашем бизнесе бывает необходимо уничтожить книгу, чтобы ее не обнаружили, а не в качестве глупого политического заявления. Однако ты бы не смог так поступить. Даже если бы стоял вопрос о спасении твоей собственной шкуры. — Отец покачал головой и отошел. От внезапного освобождения Джесс почувствовал слабость, а отец снова опустился на стул за своим столом. — Ты должен приносить какую-то пользу. Я не могу позволить тебе шататься без дела, как какому-то принцу, до конца жизни. Я потратил немалые деньги на твоих учителей, в то время как твой брат зарабатывал, и должен признать: ты и впрямь заставил нас всех гордиться твоими успехами в учебе. Однако пришло время поговорить серьезно.

Отцовское одобрение странно подействовало на Джесса: он почувствовал, будто ему жарко и холодно одновременно. Джесс не знал, как реагировать на подобный комплимент. Поэтому он просто промолчал.

— Ты меня слышал? — Голос Каллума Брайтвелла прозвучал неожиданно заботливо, и Джесс заметил нечто новое в выражение лица своего отца. Он не понял, что именно, но ему захотелось отпрянуть от отца или хотя бы вжаться в спинку стула. — Я говорю о твоём будущем, Джесс.

Джесс погасил волну внезапного беспокойства, а затем осторожно спросил:

— Какое у меня может быть будущее, если не помощь тебе в семейном бизнесе?

— Я заплатил за твое место в Библиотеке, ты будешь обучаться там.

— Вот спасибо! — От смеха Джесса выражение на лице отца, однако, не изменилось. Тот даже не помрачнел. — Ты же не серьезно. Брайтвелл. В Библиотеке.

— Вполне серьезно, мальчик мой. Если мой сын будет в Библиотеке, это может принести немало пользы всей нашей семье. Ты пару раз пронесешь тайком несколько книжек, стащишь парочку бесценных фолиантов, и мы тут же станем безмерно богаты. Ты сможешь предупреждать нас о планируемых проверках, о стратегиях библиотечных элитных стражей и полиции и так далее. К тому же в твоём распоряжении будут все книги, какие тебе только заблагорассудится прочитывать.

— Ты же не серьезно? — повторил опять Джесс. — Ты хочешь, чтобы я был твоим шпионом?

— Я хочу, чтобы ты стал нашим преимуществом — или адвокатом, быть может, если в силу каких-нибудь жутких обстоятельств Брайтвеллам таковой понадобится. Библиотека управляет миром, сынок. Так что лучше нам иметь место за ее столом. Посуди сам, в тебе больше выдержки и ума, чем я готов это признать. Ты можешь стать успешным во многих делах, но ты сможешь своему брату куда больше, если будешь в Библиотеке. Может, даже однажды спасешь ему жизнь.

Стоило ожидать, что отец начнет давить на родственные чувства.

— Мне ни за что не пройти вступительные испытания.

— А зачем, по-твоему, я платил всем твоим учителям, мальчик мой? Тебе нужно будет ответить на вопросы, ответы на которые знает любой юноша, способный прочитать только кодекс. В твоей голове куча знаний, которыми без особого разрешения владеть запрещено. Оплошаешь, и с тобой поступят куда хуже, чем просто отправят с позором домой.

Отец и впрямь не шутил, и злость Джесса ослабла от осознания этого. Он никогда даже не задумывался о том, чтобы работать в Библиотеке. В какой-то степени мысль об этом его ужасала, ведь он так и не смог забыть библиотечных львов, которые раздавили своими лапами невинных людей у него на гла-

зах. Однако в Библиотеке и впрямь хранилось то, о чем Джесс мог только мечтать. Если он окажется там, то все знания мира окажутся от него на расстоянии вытянутой руки.

Джесс так ничего и не ответил. Отец вздохнул и снова заговорил, в его голосе прозвучала нотка нетерпения:

— Считаю это деловым соглашением, мальчик мой. Оно даст тебе все, о чем ты мечтал, а нам — преимущество. Подумай об этом хорошенько. Однако запомни: если ты провалишь задание и сдашься, то ничего больше не получишь от своей семьи. Ни гроша.

— А если я останусь здесь?

— Тогда я все равно не смогу позволить себе кормить и одевать никчемного идиота, не обладающего верностью и бесполезного, верно? Ты будешь работать на нас или же окажешься на улице куда быстрее, чем думаешь.

Отец выглядел серьезным и непреклонным, и было очевидно, что он не вкладывал ни капли юмора в свои слова. Сдать экзамен в Библиотеке, пройти обучение и, быть может, оказаться там на службе — или же остаться совсем одному в свои шестнадцать лет и попрошайничать на улицах. Джесс прекрасно знал, как питаются обедками на улицах бездомные. И ему совсем не нравилась подобная перспектива.

— Ты низкий человек, — сказал Джесс. — И я всегда это знал, папа.

Каллум улыбнулся в ответ. Его глаза походили на два ледяных, сухих камешка, когда он произнес:

— Это я только что услышал, что ты согласен?

— А у меня действительно есть выбор?

Отец подошел и сжал плечо Джесса так сильно, что наверняка оставил синяк.

— Нет, сынок, — сказал он. — Поэтому-то я и успешен в своем деле. Посмотрим, станешь ли ты успешным в своем.

Обучение в Библиотеке стоило чрезвычайно дорого. Большинство семей не могли даже мечтать о подобном; это было привилегией гнусных богачей и аристократов. Брайтвеллы же

были достаточно богаты, но даже им собрать подобную сумму было непросто.

Джесс теперь не мог перестать думать о том, что его будущее куплено за древний труд Архимеда, проглоченный в темной карете, когда ему было десять лет. Это еще одна мысль, которую он не осмеливался записать в своем личном журнале, хотя и заполнил в очередной раз страницы аккуратным почерком, описал свои чувства по поводу этой ситуации, то, что на него давила необходимость добиться успеха в новом задании. То, как одновременно радовался дарованной ему отцом возможности и ненавидел ее.

Отец заплатил вступительный взнос, и теперь все зависело лишь от Джесса. Первое, и по многим причинам самое сложное, что нужно было сделать, — это явиться в лондонский серапеум на вступительный экзамен. Джесс избегал этого места со дня встречи с каменными львами и не испытывал желания ступить на эту территорию снова. К облегчению Джесса, его довели на паровой карете до самых входных дверей западного крыла. Там тоже было несколько статуй, но они располагались на высоких пьедесталах, так что Джессу не пришлось смотреть им в глаза.

Он чувствовал себя в относительной безопасности, пока не заметил автоматизированную копию королевы Анны, устремившую немигающий взгляд на тех, кто поднимался по лестнице. В левой руке у нее была держава, а в правой золотой скипетр, указывающий вниз, на головы проходящих мимо ее пьедестала.

Она выглядела пугающе реалистичной. Джессом овладело ощущение беспокойства, потому что, точно как и те львы, она выглядела беспощадной, и на миг Джесс даже представил, как ее глаза загораются кроваво-красными огнями, скипетр тяжело опускается ему на голову и раздаются слова: «Ты недостойн службы здесь».

Однако она не шелохнулась, и Джесс поспешил последовать за другими воодушевленными кандидатами, прибывшими на экзамен в серапеум.

Экзамен проходил в читальном зале, на клиросе, где обычно располагался хор, и служительница серапеума в черной мантии с серебряным поясом раздавала сдающим экзамен тонкие листки бумаги, когда все расселись. Джесс подсчитал, что их было около

пятидесяти человек. Большинство выглядели испуганными, однако боялись ли они пройти тест или провалить его, оставалось под вопросом. Скорее всего, провалить. Все были одеты богато, и, без сомнений, их будущее зависело от того, как они покажут себя сегодня. «Сегодняшний богатенький младший сын, а завтра бездомный бродяжка», — всегда говорил отец.

На листе на столе перед Джессом сам собой появился текст. Он был написан старинным библиотечным шрифтом, которому полагалось быть красивым и витиеватым, так что даже прочесть его было не самой легкой задачей... Однако Джесс видел в своей жизни тексты куда более сложные и куда менее приятные. Первые вопросы, хотя и были нацелены на проверку эрудиции кандидатов, оказались смехотворно простыми.

Джесс немного успокоился, но, как оказалось, рано, потому что, когда на странице появился второй раздел вопросов, они оказались гораздо сложнее, и очень скоро Джесс начал по-настоящему переживать и потеть от волнения. Разделы алхимии и механики заставили Джесса думать на пределе возможностей, и он вовсе не был уверен в том, что правильно ответил на вопросы о медицинских снадобьях, хотя все же надеялся на это. Зря он думал, что легко сдаст экзамен.

Джесс долго колебался перед тем, как написать свое имя и оставить подпись в конце, после чего он уже не имел права ничего изменить в своих ответах. Текст на странице тут же исчез, и элегантные строки, появившиеся следом, сообщили ему, что результаты экзамена будут скоро, а пока он может покинуть серапеум.

Когда Джесс выходил, то ему почудилось, что королева Анна снова осуждающе смотрит на всех, кто проходит мимо, и он постарался не глядеть на нее, перепрыгивая через две ступеньки. День был теплый и солнечный, во дворе серапеума хлопали крыльями голуби, и Джесс огляделся, разыскивая глазами карету Брайтвеллов, которая должна была быть припаркована где-то поблизости. Карета оказалась дальше, чем он думал, и он поспешил к ней. Джесс понял, что нервничает. По-настоящему нервничает при мысли о том, сдал ли вступительный экзамен. Ему это было и правда важно. И это чувство не было ему знакомо.

— Сэр? — Водитель Джесса с беспокойством посмотрел на него со своего места, очевидно, желая убраться отсюда подальше и поскорее. Это был один из тех громил отца, которые проводили большую часть своей криминальной карьеры, держась подальше от библиотеки и всего с ней связанного. Джесс его не винил за страх. Он молча забрался на заднее сиденье, и в этот момент его кодекс — книга в кожаном переплете, в которой отображались собрания сочинений Великой библиотеки в Александрии, — зажужжал у него в кармане. Кто-то отправил Джессу сообщение. Он поспешно открыл форзац и увидел, как на нем появляются витиеватые строки библиотечного шрифта, буква за буквой. Джесс чувствовал, как книга едва заметно дрожит под нажимом ручки библиотекаря, который передает это сообщение:

Мы рады сообщить вам, что Джесс Брайтвелл официально принят на обучение для distinguished службы в Великую библиотеку. Вам следует прибыть на станцию Сент-Панкрас в Лондон завтра в десять утра для отправления в Александрию. Пожалуйста, обратитесь к списку предметов, разрешенных брать с собой на обучение.

Внизу стояли подпись и библиотечная печать, которая выступала красной кляксой из чернил на бумаге. Джесс осторожно провел по ней пальцем. На ощупь печать оказалась гладкая, как воск, однако и теплая, как кровь, и Джессу почудилось, будто она живая.

Его имя тоже выделялось, написанное жирными черными буквами. ДЖЕСС БРАЙТВЕЛЛ.

Он нервно сглотнул, быстро закрыл книгу и попытался утихомирить своей учатившийся пульс, когда колеса кареты застучали по уличной брусчатке, увозя его обратно домой.

Мать Джесса, очень обрадованная новостью (или считавшая своим долгом выглядеть обрадованной), подарила сыну набор стилусов, а отец наградил его новеньким кодексом в кожаном

переплете, специальным изданием, со множеством дополнительных страниц для заметок. А также с красиво выгравированным золотом символом библиотеки.

Брат не подарил Джессу ничего, но Джесс ничего от него и не ждал.

Ужин прошел необычно мирно и торжественно. После того как мать разрешила сыну выпить немного бренди, Джесс обнаружил себя сидящим в одиночестве на ступеньках в саду. Вечер был прохладным, а небо над головой ясным — редкость для Лондона. Джесс уставился на белеющую над его головой луну. Звезды будут выглядеть иначе на небосводе там, куда он отправится завтра, но луна останется прежней.

Джесс никогда раньше не думал, что отъезд заставит его грустить.

Он не заметил, когда в сад вышел Брендан, но и не удивился, услышав, как его малявка брат шаркает ботинками по выложенной камнями тропинке рядом.

— Ты никогда не вернешься.

Не это Джесс ожидал услышать, и он повернулся, чтобы взглянуть на Брендана, который ссутулился, стоя в тени. Джесс не видел выражения его лица.

— Ты умен, Джесс, но папа ошибается кое в чем: чернила у тебя не в крови. Ты пропитан ими до кости. Твой скелет, должно быть, черный, как они. Ты отправишься туда, к *ним*, и мы потеряем тебя навсегда. — Брендан переступил с ноги на ногу, но так и не подошел к брату. — Поэтому не уезжай.

— Я думал, ты хочешь, чтобы я убрался, — сказал Джесс.

Брендан вздохнул. А затем оттолкнулся от стены и исчез в темноте ночи. Ушел заниматься бог знает какими делами. «Прости меня, Малявка», — подумал Джесс. Однако, сказать по правде, он не чувствовал себя виноватым. Оставшись здесь, он не имел бы никакого будущего, как не было никакого будущего для Брендана в Библиотеке.

Сегодня Джесс будет спать дома в последний раз.

Вернувшись в дом, Джесс записал все эти мысли в свой личный журнал, а потом провел остаток вечера, читая *Inventio Fortunata*.

Что, очевидно, только доказывало слова брата.

На следующий день отец проводил Джесса до вокзала Сент-Панкрас и отослал слуг, чтобы самому донести чемодан сына до поезда... и за все это время отец не проронил ни слова и ничем не выдал своих чувств. Когда Джесс принял из рук отца чемодан, тот наконец сказал:

— Заставь нас тобой гордиться, сынок. Или, клянусь богом, я буду пороть тебя, пока ты этого не сделаешь. — Однако в то же время глаза отца едва заметно блеснули, точно от слез, и Джесс почувствовал себя не в своей тарелке. У отца был сильный характер, и он никогда не проявлял сентиментальности.

Поэтому не может быть, чтобы Джесс увидел у него на глазах слезы.

Затем отец быстро, строго кивнул сыну и пошел прочь, исчезая в толпе пассажиров и разлетевшихся голубей. Горячий дым от мотора поезда собирался под сводчатым потолком станции и вплетался в железные узоры. Такая знакомая и такая странная картина одновременно. Несколько секунд Джесс просто стоял, раздумывая. Пытаясь понять, что он чувствует в этот самый момент, застыв между старым миром и новым, тем, жить в котором ему предстоит.

Оставалось еще двадцать минут до отправления поезда в Александрию, и Джесс подумал, не сумеет ли он отыскать где-нибудь в вагонах поблизости автомат с горячими напитками, однако, пока он колебался, услышал ворчание у себя за спиной.

Какой-то мужчина начал ругаться и вскоре повысил тон до крика, и отчего-то Джессу захотелось обернуться и узнать, в чем дело.

— ...признайтесь, что вы обманываете сами себя! Что слова есть не что иное, как лживые идола, которым вы поклоняетесь! Великая библиотека, может, однажды и явилась благодетелем, но в наши-то дни? Что она нам дает? Лишь отбирает у нас! Унижает нас! Вот вы, сэр, у вас есть собственная книга? Нет, сэр, не бланк, заполненный тем, чем *они* желают его заполнить... Настоящая книга, оригинальная, написанная писателем? А вы бы осмелились владеть книгой, мадам? Библиотека владеет нашими воспоминаниями, а вы не имеете права владеть

книгой! Почему же? Почему они так этого боятся? Почему они так боятся дать нам выбор?

Джесс заметил говорящего человека, который забрался на каменную скамейку и теперь читал свою лекцию прохожим, вскинув руку с журналом над своей головой. Это не был бланк из серапеума с библиотечным штампом. То, что вытащил из-за пазухи мужчина, было копией журнала в кожаном переплете с тиснением, на котором можно было прочесть его имя. Его личный журнал, в котором он ежедневно записывал свои мысли. У Джесса был почти такой же. Библиотека раздавала их бесплатно в день рождения ребенка и советовала всем горожанам в мире записывать свои мысли и воспоминания с самых по возможности ранних лет. В архивах Библиотеки хранились эти записи каждого дня и каждого часа их жизни после того, как они умирали. Библиотека была мемориалом. И в этом заключалась одна из причин, по которой люди ее так любили: в каком-то смысле она даровала каждому своего рода бессмертие.

Мужчина теперь размахивал своим личным журналом, словно факелом, а в глазах у него горел лихорадочный огонек, отчего Джесс почувствовал себя неуютно. Он отлично знал, чем это закончится. Полицейские наверняка уже спешат сюда.

Люди вокруг оратора расступились, испуганные его страстью и диким взглядом. Джесс обеспокоенно осмотрелся. Он был прав: отряд полицейских в красных плащах уже направлялся в их сторону. Говоривший их тоже тут же увидел, и Джесс заметил, как лицо мужчины побледнело под копной растрепанных волос. Однако он лишь стал кричать громче:

— Человека нельзя приравнивать к куску бумаги, к строкам и буквам! Его нельзя поставить на полку! Жизнь дороже книги! *Vita hominis plus libro valet!*¹

Последний возглас прозвенел как победоносный клич. Мужчина сунул руку под свой плащ, достал бутылочку с ядовитого оттенка зеленой жидкостью, резво открутил крышку и пролил одну-единственную каплю на личный журнал, который все еще держал в руках. Затем он отшвырнул журнал на каменный настил под ногами, и через секунду тот запылал ужасающими

---

¹ Жизнь человека дороже книги! (лат.)

языками пламени, которые сияли, точно изумруды, и высоко вздымались. Люди, стоявшие поблизости, отшатнулись, ахая, а некоторые вскрикнули от удивления и испуга.

— Греческий огонь! — воскликнул кто-то, а потом начался хаос, и люди толпой бросились к выходу. Это помешало полицейским, которым пришлось идти против движения.

— Библиотека хочет, чтобы мы все были слепцами! — кричал поджигатель. — Я умираю, чтобы показать вам свет! Не верьте им! Они лгут нам!

Джессу тоже следовало бы убежать, так он подумал. Его толкали со всех сторон те, кто обладал, очевидно, более здравым рассудком, чем он, однако он застыл, испуганный — и очарованный, — продолжая наблюдать за мужчиной. Книга, сгоравшая на каменном полу, стала для Джесса жутким напоминанием того беспомощного гнева и ужаса, что он чувствовал однажды: словно сами страницы умоляли его помочь им. Это ведь тоже было своего рода оригинальное произведение, единственная копия, написанная чернилами на бумаге. Там были все мысли и мечты этого человека, и они... умирали. Конечно, это не такое великое произведение, как «О создании сферы», но все равно Джессу пришлось заставить себя устоять на месте, чтобы не поддаваться импульсу и не броситься спасать журнал.

— Прочь с дороги! — закричал полицейский и оттолкнул Джесса в сторону выхода, чуть не сбив с ног. — Отойди же! Неужели ты не знаешь, что такое греческий огонь!

Джесс знал, а еще он с запозданием осознал, что у поджигателя с собой не одна капля этой жидкости, которую он потратил для демонстративного уничтожения своего журнала. Мужчина держал по-прежнему почти полную бутылку высоко над головой. Жидкость сияла, словно дымчатый изумруд в тусклом свете, просачивающемся на вокзал сквозь окна.

Джесс сделал шаг назад и споткнулся о собственный чемодан. Он упал, все еще не сводя глаз с поджигателя. «Мне нужно уйти отсюда», — подумал он, однако ему казалось, будто его собственный мозг заснул, убаюканный гипнотизирующими языками пламени. Джесс правда хотел уйти, но тело ему будто бы больше не подчинялось.

— Закрой свою бутылку, сынок, — сказал один из полицейских, приближаясь к поджигателю. Он был старше, а его голос звучал авторитетно и на удивление дружелюбно. — Нам не нужны эти неприятности. Ты уже показал, что хотел, и, если тебе хочется уничтожить то, что ты сам же написал, что ж, это твое личное дело. Закрой бутылку и убери ее сейчас же. Не нужно никому причинять вреда. Обещаю, тебя за это ждет только лишь штраф.

— Лжец, — сказал мужчина, и впервые Джесс вдруг понял, что тот был не особо старше его самого. Лет двадцать, не больше. Он выглядел серьезным, отчаянным и испуганным, но все же нечто дикое пылало в его глазах. — Ты глупец, подчиняющийся Библиотеке, и я не позволю тебе меня остановить! *Vita hominis plus libro valet!*

Это был слоган поджигателей: «Жизнь человека дороже книги».

И этот слоган стал его последними словами.

Молодой человек перевернул бутылку, выливая оставшийся греческий огонь на свою одежду и голову, и полицейские, которые подходили к нему, собираясь схватить, отступили, а затем развернулись и бросились бежать прочь.

Джесс видел, как ядовитая жидкость начинает пылать, искриться и разгораться, окутывая поджигателя зеленым пламенем, которое вздымается к потолку, образуя жуткий столб света. Подобного звука Джесс не слышал никогда — как мужчина глотнул воздух, а затем послышались треск, и шипение, и крик.

О боже, это был ужасный крик.

Один из полицейских схватил Джесса и столкнул его с края платформы. Джесс упал, больно ударившись о гравий между рельсами, приземлившись всего в нескольких шагах от железного вагона. Рухнувший на него полицейский прищипилил Джесса к земле, и ему стало сложно дышать. Краем глаза Джесс, однако, все еще видел, как огонь полыхнул над его головой, точно поток смешавшихся воедино зеленого, желтого и красного цветов.

А потом крики стихли, и жуткая волна огня отступила, хотя пламя на платформе все еще полыхало.

Полицейский, который накрыл собой Джесса, схватил его, не позволив ему подняться.

— Нет, — сказал полицейский, тяжело дыша. Его лицо выглядело бледным под шлемом. — Оставайся внизу, воздух ядовитый, пока огонь не потухнет совсем.

— Но он...

— Мертв, — сказал мужчина и крепко стиснул плечо Джесса. — И мы ничем не можем ему теперь помочь. Глупый мальчишка, ему не нужно было... — Его голос задрожал, а потом и вовсе затих, и, несмотря на то что Джесс вырос, считая полицейских своими врагами, в этот момент их двоих объединял этот страх. — Проклятые поджигатели. С ними невозможно договориться. С каждым годом становится все хуже. — Мужчина моргнул, отгоняя наворачнувшиеся на глазах слезы, и поспешно отвернулся.

Джесс сел, уперевшись спиной в каменную стену и уставившись на сияющий над ними огонь, глядя на пламя, пока то не потухло.

Полицейские допросили Джесса — не то чтобы они его в чем-то подозревали, просто он остался стоять на месте, когда все остальные бросились бежать к выходу, и он был как раз такого возраста, в котором молодые люди часто меняли свои взгляды на жизнь. Джесс честно ответил на все вопросы и показал им свой кодекс, где были документы, подтверждающие, что он отправляется в Александрию, а также письмо с приглашением на обучение. Он беспокоился, что может опоздать на поезд, однако все поезда стояли на месте, пока полицейские не удостоверились, что опасность миновала и станция может продолжить свою работу.

Все это заняло несколько часов, и Джесс полагал, что полиция связалась с его родными, однако никто не пришел к нему. Джесс помнил, что его старшего брата Лиам поймали, когда тот доставлял книгу, помнил печаль и смирение на лице отца. Отец не стал защищать Лиам тогда. И он вряд ли придет в полицию, чтобы встать на защиту Джесса теперь, если с ним произойдет что-то плохое.

Джесс нервничал как никогда прежде, однако полицейские вскоре позволили ему вернуться на платформу, когда уборщики избавились от всех следов недавней смерти поджигателя, кроме выцветшего от огня пола. «Книга, — подумал Джесс, когда поднялся и посмотрел на маленькое пятно на полу. — Это то самое место, где погибла книга». Точно такой же уродливый черный шрам красовался на том месте, где поджигатель свел счеты со своей жизнью, стоя на возвышении.

Книги и люди оставляли после себя одинаковые следы, когда умирали.

Мысль о том, что молодой человек сжег вместе с собой свой личный журнал, оставляла неприятный привкус у Джесса на языке: тот ведь не просто разочаровался в своей жизни, а потерял всякую надежду на то, что человечество может понять смысл его жизни. Быть может, никто бы и не прочел написанную им историю, быть может, его причины так поступить были самыми что ни на есть приземленными и банальными. Однако, сжигая свой личный журнал, этот человек полностью уничтожил себя и всякое упоминание о себе в этом мире. Для современного человека, выросшего с мыслью о том, что библиотека навеки сохранит память о нем, эта идея казалась.. непостижимой.

Джесс понял, что на него косятся, а он застыл рядом с местом преступления, поэтому он быстренько взял свой чемодан и отправился на платформу.

Все поезда опоздали, и платформа снова заполнилась ждущими новое расписание путешественниками. Забавно, все снова выглядело так мирно. Поезда начали разносить свой серый дым по воздуху, а мужчины, женщины и дети спешили по делам, занятые своими житейскими проблемами и повседневными мыслями. И голуби тоже вернулись и начали собирать крошки, падавшие со съедаемых пирогов и сэндвичей. Единственное, что изменилось, по наблюдениям Джесса, — это количество полицейских, которые теперь вышагивали на каждом углу, поджидая новых поджигателей, способных нарушить спокойствие, сделав из себя новых мучеников.

Однако, несмотря на то что случившееся было ужасным, Джессу казалось, что смерть молодого человека не привела ни

к какому результату, это ведь все равно что бросить маленький камешек в огромный и быстрый поток реки: несколько брызг, а потом ни намека на произошедшее. Джесс не мог понять для себя, было это хорошо или, наоборот, очень плохо.

Он подошел к платформе и присоединился к большой очереди, которая загружалась в длинный серебристый поезд. У входа стоял пожилой человек в униформе проводника, который сказал Джессу:

— Лучше устраивайся поудобнее, дружище. Нас ждет долгое путешествие. Под Францией, через Испанию, вдоль Марокко, а затем до самого города. Держи свои документы при себе, их необходимо будет показать, когда мы прибудем к границам Александрии. Ты уверен, что ничего не забыл?

Джесс поблагодарил проводника и, когда вошел в вагон, стал смотреть по сторонам в поисках своего места. Его не удивило то, что отец купил ему самый дешевый билет из возможных. У богачей были мягкие сиденья со столиками для чая, однако его вагон выглядел старым, в нем пахло плесенью, протухшей едой и невымытыми ногами. И тут было полным-полно народу, который всё прибывал, так что чемоданы и сумки пришлось складывать в стопки. Джесс поставил ноги на собственный чемодан. Он не верил в то, что незнакомцы могут желать добра.

В своем личном журнале Джесс перед отправлением поезда написал об инциденте с поджигателем, описал свое грядущее путешествие и пассажиров, сидящих вокруг него, а затем убрал ручку и только лишь ел да спал, пока пейзажи мелькали за окном, а станции сменяли одна другую. К счастью, пассажиры постепенно сходили на разных станциях, а заходили новые люди заметно реже. Новоприбывшие, однако, выглядели уже иначе: поезд покинул английские земли, промчавшись по подземному тоннелю в сторону библиотечных территорий Франции; теперь люди вокруг начали нервно беседовать об опасностях, поджидающих на побережье, и многие с заметным облегчением выдохнули, когда поезд добрался до следующего подземного тоннеля без инцидентов. Уэльская армия наступала все ближе. Никто не верил, что так называемые нейтральные территории и впрямь безопасны, хотя пока что поезд не попал в какие-либо неприятности.

К тому моменту как они добрались до испанских границ, время уже перевалило за полдень, и все пассажиры, кажется, разделились на две категории: новоиспеченные кандидаты на библиотечную службу, как Джесс, молодые и в большинстве своем нервные, собирались в маленькие компании, а также самоуверенные сотрудники Библиотеки, которых не составляло труда отличить от обычных граждан по браслетам на их запястьях — из меди, серебра или — что было редкостью — у одного из золота. Джесс задумался, каково это — знать, что должность, которую ты занимаешь, будет твоей до конца твоих дней. Будешь ли ты чувствовать себя свободным или, наоборот, в ловушке? «Вряд ли я когда-либо узнаю», — подумал он. Библиотека преподносила золотые браслеты лишь нескольким людям из поколения.

Остаток путешествия тянулся долго и не был щедр на приключения, за окном однажды мелькнула гроза, однако она не коснулась поезда, приблизившегося к границам Испании, где все пассажиры вышли на платформу, моргая от палящего солнца, прежде чем взойти на паром, который понес их уже по водам.

Когда Джесс зашел в очередной поезд в Марокко, то заметил нескольких новых пассажиров. Одного из них было сложно не заметить. Блондин с голубыми глазами примерно того же возраста, что и Джесс, выглядел настолько мускулистым, что, казалось, был способен гнуть железо голыми руками... при этом он с осмотрительностью шагал мимо других людей и извинялся каждый раз, когда сталкивался с кем-либо. Слишком уж осторожничал.

Джесс встретился с ним взглядом на миг и кивнул, и это оказалось ошибкой. Великан направился прямоком к нему и спросил:

— Можно здесь присесть? — Он отлично говорил по-английски, хотя его немецкий акцент был очевиден.

— Здесь много мест, приятель, — ответил Джесс. — Садись куда угодно.

Джесс надеялся, что парень поймет, что лучше пройти дальше, но вместо этого тот протянул Джессу свою мясистую руку для рукопожатия и представился:

— Томас Шрайбер.

— Джесс Брайтвелл.

Они обменялись рукопожатием, и парень плюхнулся всем своим огромным весом на сиденье рядом с Джессом, а затем с облегчением выдохнул.

— Наконец-то нашлось подходящее место, — сказал он.

Джесс едва ли мог согласиться с этим заявлением, учитывая, что Томас только что занял большую часть и его сиденья.

— Ты издалека? — спросил Джесс, ничем не выдав, однако, свое недовольство.

— Из Берлина. Знаешь Берлин?

— Лично там не бывал. Там хорошо?

— Очень хорошо. А ты? Откуда родом?

— Лондон.

— Англия? Это тоже очень даже далеко.

— Да, далеко. Полагаю, ты тоже едешь на обучение в Библиотеку?

— Ага. Надеюсь получить должность инженера. Мой дедушка многие годы был обладателем серебряного браслета.

— Инженерия... Это относится к юрисдикции Артифекса¹. Я слышал, там все строго. Если у тебя есть родственник с серебряным браслетом, означает ли это, что ты в каком-то роде наследник должности? — Когда Джесс увидел растерянность на лице Томаса, то попытался спросить снова: — Если ты являешься наследником, то, возможно, не обязан проходить вступительные экзамены? Дети тех, кто носил золотые браслеты, могут попасть на обучение без экзаменов. Не знаю, однако, насчет серебряных.

— Было бы неплохо, да? Но нет-нет, ничего такого. Мне пришлось проходить экзамен.

— Да? И как, успешно?

Томас пожал плечами:

— Вполне.

— У меня семьсот пятьдесят баллов. Лучший в рейтинге Лондона, — лишь сказав это, Джесс осознал, что его слова прозвучали как хвастовство. Ну что ж, ладно. Он и правда этим гордился.

---

¹ От *лат.* artifex — творец, создатель.

Томас вскинул свою бледную бровь и кивнул, сказав:

— Очень хорошо.

Что-то в осторожном и вежливом тоне Томаса заставило Джесса посмотреть на него.

— А у тебя сколько баллов? — спросил Джесс.

Томас, казалось, не очень хотел отвечать на этот вопрос, однако Джесс продолжал смотреть на него с ожиданием, и это сработало.

— Девятьсот двадцать пять.

— *Что?*

— Студенты из Берлина всегда хорошо проходили экзамены. — Слова Томаса прозвучали одновременно с гордостью и извинением.

— Хорошо проходили? Приятель, я уверен, что ни один профессор из Лондона не смог бы сдать лучше. Это, должно быть, лучший балл за весь год.

— Нет, — сказал Томас. — Лучший балл у нее. — Он быстро оглядел вагон и кивнул на молодую девушку, сидящую в самом конце. Джесс с опозданием узнал ее. Она зашла раньше, в компании родственников, которые окружили ее и вышли из вагона, только когда проводник сердито прикрикнул на них.

Она была настолько же маленькая, насколько Томас был большим. Джесс не мог хорошо разглядеть ее издали, однако видел, что у нее была темного оттенка кожа и черный платок на голове. Сложно было рассмотреть вообще хоть что-то еще, потому что она уткнулась в книгу.

— Она, — сказал Томас. — Она, поговаривают, первая за всю историю проведения экзаменов получила стопроцентный балл. Не просто первая среди девушек. Первая среди всех. — Голос Томаса звучал воодушевленно и уважительно. Глядя на девушку, Джесс увидел, как она опускает книгу, заметив их взгляды, и уверенно смотрит на них в ответ своими карими глазами. Томас, смутившись, тут же отвел взгляд.

Джесс, однако, продолжил смотреть. Она была симпатичной, хотя и не обладала неземной красотой, но что-то в ней показалось Джессу интересным. Она вкинула брови, одну выше другой, точно как его брат любил делать, и Джесс попытался повторить этот жест. Ему опять не удалось.

Поэтому Джесс решил подняться на ноги и начал с трудом протискиваться мимо огромных колен Томаса.

— Куда ты собрался? — удивленно шепнул Томас ему.

— Поздороваться, — сказал Джесс. — Самая умная девчонка в мире? Я хочу с ней познакомиться.

— Я бы не стал...

Джесс уже шагал в заднюю часть вагона к той самой девушке, которая по-прежнему с уверенностью смотрела на него, и в этот момент какой-то мужчина уселся в кресло рядом с ней. Это был полноватый человек, старше его, одетый в дорогой наряд арабской моды.

Джесс замер и вежливо кивнул девушке. Она кивнула в ответ.

— Хотел познакомиться, — сказал ей Джесс. — Меня зовут Джесс Брайтвелл. А это мой приятель Томас Шрайбер, вон тот, громадный и стеснительный.

— Халила Сеиф, — произнесла она в ответ. — А это мой дядя Насир. Он сопровождает меня к александрийским границам.

Ее дядя одарил Джесса теплой улыбкой, поднялся и поклонился в ответ. Он вел себя очень цивилизованно, однако не собирался отходить от своей племянницы — это было очевидно.

Джесс снова повернулся к Халиле.

— Самый высокий балл на экзамене, — сказал он. — Полагаю, вы точно получите должность в Библиотеке.

— Ничего в жизни нельзя знать точно. Я могу оказаться непригодной для работы. Некоторые люди слишком хрупки для подобного дела.

— Хрупки, — повторил Джесс. — Да, однако вы не выглядите хрупкой.

— Вы тоже студент, сэр? — поинтересовался ее дядя.

— Не настолько талантливый, как ваша племянница, сэр, но да, так и есть.

— И откуда же вы?

— Из Англии, сэр.

— О! Разве у вас сейчас не война?

— В той части страны, откуда я родом, нет, — сказал Джесс. Мужчина, очевидно, был слишком вежливым, чтобы сказать это

прямо, однако он явно считал Англию источником всех проблем. — Что ж, не буду мешать вашему чтению в таком случае, мисс Сеиф. Приятной поездки.

— Спасибо за вашу учтивость, мистер Брайтвелл, — сказала она ему в ответ. — Желаю и вам хорошей дороги. — Она говорила очень отстраненно, однако улыбалась дружелюбно. Не то чтобы с теплом. Но без страха.

И она определенно не была хрупкой.

Джесс вернулся на свое место рядом с Томасом и сказал:

— Что ж, будем считать, одна должность уже занята. Она точно однажды получит место хранителя, а то и архивариуса. Мое будущее выглядит все печальнее. — Конечно, Джесс не был разочарован. Он любил сложности, а эта ситуация... казалась ему самой интересной сложностью за всю его жизнь. Скучно всегда быть самым умным. А теперь он понимал, что ему придется наконец постараться.

«Ты никогда не вернешься». Слова Брендана внезапно зазвучали у него в голове. Слова, сказанные точно пророчество, потому что воспоминания о семье и впрямь уже побледнели в голове Джесса. Ему здесь нравилось.

Он наконец почувствовал себя на своем месте.

Когда на очередной станции проводник закричал, что поезд скоро отправляется, к составу уверенно поспешила костлявая девушка. Она двигалась не особо изящно, однако ее длинные ноги быстро ее несли, и она запрыгнула в вагон буквально за секунду до того, как проводник захлопнул двери и поезд зашвистел, снова набирая свою скорость. Девушка облокотилась о стенку вагона, покрасневшая и вспотевшая, а потом потеряла равновесие и упала на колени к Джессу и Томасу, когда поезд дернулся.

И она оказалась совсем не легкой. С острыми локтями. Джесс вздрогнул, потирая грудь, когда она заерзала, поднимаясь снова на ноги и сердито покосившись на них с Томасом, как будто это они напали на нее.

— Добро пожаловать, — вежливо сказал ей Томас. — Меня зовут Томас Шрайбер, я из Берлина. — Он протянул девушке руку. Пошатываясь, она наконец встала, откинув свои каштановые волосы с лица, и ее сердитый взгляд помрачнел еще

больше, однако она ответила на рукопожатие. Неохотно. — А вы?..

— Глен Уотен. Мертир-Тидвил¹. — Она резко замолчала, когда перевела взгляд на Джесса.

— Джесс Брайтвелл. Лондон.

Глен кисло уставилась на него, затем развернулась и села на свободное место в конце вагона.

— Ты ей не нравишься, — заметил тихо Томас. — Вы что, знакомы?

— В знакомстве нет необходимости, — ответил Джесс. Он чувствовал, как Глен буравит его спину взглядом. — Судя по всему, она из Уэльса. И полагаю, уже планирует, как воткнет нож мне в почки еще до того, как мы доберемся до границы. — Когда Томас продолжил на него растерянно смотреть, Джесс добавил: — Я англичанин. Кровавая вражда. Она толкает людей на необдуманные поступки.

— О, — сказал Томас, хотя не похоже было, будто он что-то понял. Значит, не знает о происходящей сейчас войне, сообщил Джесс. Или просто не понимает, что Южный конфликт длится уже пятьдесят лет, приводя к большим потерям как со стороны Уэльса, так и со стороны Англии. И в последнее время Уэльс выигрывал.

Глен выглядела как одна из тех, кто не забывает о подобном, просто перешагнув границу страны. Однако Джесса это особо и не беспокоило. По крайней мере, теперь есть один студент, который может быть отчислен, и это даст возможность занять должность другому, и Джесс не будет об этом жалеть.

Тем временем поезд нес его вперед, в неизведанное будущее.

Пересечение александрийской границы означало, что все, у кого нет разрешения на пребывание на территории Библиотеки, должны сойти с поезда. А значит, дядя Халилы ее покидал. Он определенно не хотел оставлять свою племянницу одну среди незнакомой и грязной толпы — они и правда были грязны-

¹ Город-графство в Уэльсе.

ми в тот момент, учитывая, что находились в душном поезде, — однако дядя ушел с высоко поднятой головой.

Джесс вежливо кивнул ему на прощание, затем обернулся и подмигнул Халиле. Она его проигнорировала. Она увлеченно разговаривала о чем-то с Глен, девчонкой из Уэльса, хотя Джесс понятия не имел, какую общую тему для разговора могли найти эти две девушки. Глен выглядела настолько простой, насколько Халила — симпатичной, а ее поведение казалось грубым, в то время как арабка была грациозной и очаровательной. «Но у каждого свои вкусы», — подумал Джесс. Они с Томасом играли в карты, которые привлекли к ним еще несколько игроков за последние несколько часов. Даже один из служителей Библиотеки с серебряным браслетом присоединился к ним, и, несмотря на то что его английский звучал резковато и выдавал китайский акцент, он ни разу не упустил возможности повысить ставки, так что Джесс проиграл половину своих денег, прежде чем выйти из игры и поспать.

К моменту же, когда Джесс проснулся, Томас отыграл большую часть их денег и глядел по сторонам с невинным ангельским личиком, а поезд уже приближался к египетской Александрии.

Джесс оказался не единственным, кто уставился в окно с широко открытыми глазами. Почти все в вагоне делали это, даже взрослые с браслетами на запястьях. Потому что на этот город... невозможно было не смотреть.

Они прибыли на станцию Миср, белый мрамор и желтовато-бежевый отделочный камень которой сияли, ослепляя полуденным солнцем. Сама станция возвышалась на три великолепных этажа, поддерживаемых резными колоннами. Статуи древнеегипетских богов возвышались примерно на ту же высоту. Когда поезд наконец остановился, они уперлись взглядом в массивные ноги Гора, бога с головой сокола, и Джесс изогнул шею, чтобы рассмотреть его получше. Клюв на голове Гора загораживал солнце, а золотые лепестки и голубая эмаль отделки блестели на нем ярче, чем что-либо, что Джесс видел в своей жизни прежде.

— Восхитительно, — завороченно выдохнул Томас. — Как думаешь, он автоматизированный? Такого-то размера.

Джесс содрогнулся от этой мысли и ответил:

— Не дай бог.

Томас вскочил на ноги, поднял свою сумку (которая была в два раза больше чемодана Джесса, как и сам Томас самого Джесса) и поспешил к выходу. Томас спрыгнул на платформу быстрее, чем Джесс успел вытащить свой чемодан из-под сиденья. Однако Джесс быстро догнал немца, и тут его ноги помимо его воли остановились. Оба парня стояли, замороженные атмосферой города. Солнце, казалось, светило здесь иначе: безжалостно горячее, но в то же самое время и ласковое. Влажный воздух, дующий со стороны океана, трепал Джессу волосы, высушивая пот, которым он покрылся уже с головы до ног. А безмолвные, величественные боги, выстроившиеся в ряд, тянулись, как казалось, на километры вперед, и каждый из них был особенным. «И у каждого из них своя история, — подумал Джесс. — Мне нужно их знать». И что самое чудесное — он *мог* их теперь узнать. Он мог узнать и прочесть обо всем на свете, находясь здесь.

Перед ним открывалось бесконечно много возможностей.

Халила присоединилась к ним, внезапно осознал Джесс, и тоже теперь смотрела по сторонам, не скрывая своего восхищения. Даже Глен, похоже, была поражена, когда наконец спустилась по ступенькам из вагона и ступила на новые, чужие, враждебные земли.

Все здесь казалось таким *чистым*.

Вскоре вокруг них образовалась толпа из новоприбывших учеников. Может, просто потому, что Томас был высоким и привлекал внимание, как шест. Когда Джесс огляделся по сторонам, он понял, что их не меньше тридцати человек, и все замялись, не зная, что делать дальше... пока наконец из тени ног Гора к ним не вышел какой-то мужчина.

Он тут же привлек их внимание: черная мантия служителя Библиотеки висала вокруг его простого черного повседневного костюма. Золотой браслет поблескивал у него на запястье, украшенный элегантными иероглифами с печатью Библиотеки. Его темные, длиной до плеч волосы были зачесаны назад и открывали жесткое и умное лицо. Карие глаза и кожа орехового оттенка. Все прибывшие студенты тут же затихли, когда он по-

дошел к ним, и быстро собрались в группу. «Точно газели перед львом», — подумал Джесс.

Служитель окинул им безжалостным оценивающим взглядом. Тишина становилась все тяжелее, и Джессу уже казалось, этим свинцовым молчанием можно разбить каменные ноги несчастного Гора. В конце концов мужчина заговорил:

— Меня зовут профессор Кристофер Вульф, и, как я понимаю, вы наши новые студенты. Давайте начистоту: большинство из вас может прямо сейчас развернуться и отправиться обратно домой. У меня есть шесть свободных должностей, *если* я вообще захочу кого-то брать на них, в чем я сомневаюсь. Кто-нибудь желает забронировать обратный билет и не тратить силы и время?

Никто не двинулся с места, хотя несколько человек шелохнулись, словно раздумывали об этом. Но не Джесс. Не Томас, не Халила и не Глен. Они все стояли как вкопанные. «Пока что», — подумал Джесс.

Все только что стало еще интереснее.

ЗАПИСКИ

Текст письма Томаса Пейна с американских земель, написанного в 1795 году. Отправлено в Черные архивы; недоступно для прочтения в кодексе. Доступ строго контролируется.

Помечено как **ПРОВОКАЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ**.

У обучения три стороны: информация, знания и мудрость. Накопление информации еще не знание, а хранение знаний далеко от мудрости.

Библиотека считает, что владеет и знаниями, и мудростью, однако это неправда. Нельзя держать столь многое в руках столь немногих людей, поскольку страсть к власти есть естественная и пагубная привычка, присущая людям. А знания – это подлинная форма силы.

Хранители измеряют знания и прогресс в каплях и крупинках и сравнивают свой долг перед людьми с долгом родителей перед младенцем. Как родитель будет защищать своего ребенка от опасностей, так и Библиотека стремится защитить нас от того, что она считает опасным знанием.

Однако не существует мудрости без знаний, нет прогресса без опасности, а я не дитя Библиотеки! Я должен обладать собственной информацией, накопить собственные знания и с помощью опыта переплавить их в золото мудрости.

С этой целью я говорю, что величайшее благо, которое может быть сотворено для человечества, – разрушить двери Великой библиотеки и забрать все хранящиеся там знания, чтобы потом распростра-

нить их повсюду. Ибо, несмотря на то что история Библиотеки обширна и глубока, даже величайшее изобретение может обратиться против своих создателей. И поэтому само учреждение, которое, как мы думали, принесет миру много света, вместо этого утонуло во тьме и провозглашает эту тьму истинным солнцем. И мы, бедные слепые создания, поверили в эту ложь.

Сохранять знания важно, однако ставить Великую библиотеку выше людей, выше народов, выше жизни? Это не есть мудрость.

Я не поверю, что жизнь стоит меньше чернил на странице. Пусть это будет наш общий возглас, наш боевой клич. Давайте кричать, где можем. Давайте поднимемся на борьбу с ложными идолами серапеумов, где бы они ни были воздвигнуты.

Давайте сожжем произведения, которые мы писали на протяжении всей своей жизни, прежде чем они отнимут их и запрут во тьме.

Давайте сожжем это все и принесем в мир новый свет.

Примечание к тексту, написанное рукой верховного архивариуса Алессандро Вольга в тысяча семьсот девяносто пятом году.

Американские земли превратились в зловонные джунгли, в которых разрастается опасная ересь. Сделайте все, чтобы искоренить ее любыми средствами, какие сочтете необходимыми.

Философия поджигателей должна быть уничтожена ради нашего спасения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лондон для Джесса всегда был огромным современным мегаполисом. Он не мог представить ничего более великолепного, чем здания, которые будто бы упирались в низкое серое лондонское небо. Где-то глубоко в душе Джесс всегда верил, что нет лучше места на земле, чем его родной город.

Первым знаком ошибочности его представлений для него стал рассказ Томаса о том, что студенты Берлина часто сдают экзамен куда лучше, чем его сдал Джесс, но ведь это же могла быть просто случайность, решил он... Пока не начал разговаривать с остальными студентами и не узнал, что каждый из них — каждый до единого — был так же умен, как Джесс, а то и умнее.

А теперь еще и Александрия. Ох эта Александрия.

Лондон представлял собой собрание узких, кривых улочек, крошечных переулков и тупиков. Там постоянно сновали толпы народа. Грязь, казалось, никогда не сходила с тротуаров даже в самых чистых районах города. Лондон был прекрасен, однако его красоту затмевали пот и грязь людей, которые жили на городских землях на протяжении двух с лишним тысяч лет.

Александрия же, несмотря на ее длинную и бурную историю, сияла, точно небеса на земле. Все вокруг сверкало, и не было ни единого пятнышка на дорогах, а ширина улиц позволяла паровым каретам продвигаться по ним свободно. И тротуары для пешеходов были просторными и тянулись вдоль старинных величественных монументов. Бесценные статуи вокруг, украшенные золотом, шептали о своем богатстве и зна-

чимости, и Джесса просто поразило то, что никто, похоже, не пытался пробраться сюда ночью, чтобы украсть какую-нибудь драгоценность. Даже бедняки, кажется, с благоговением относились здесь к прошлому. Каждое здание вокруг выглядело ухоженным и выкрашивалось свежей краской каждый год перед фестивалем, как узнал Джесс, а прямые улицы были украшены чудесными садиками, цветами, деревьями и фонтанами. Весь город буквально благоухал.

И люди здесь в основном соответствовали месту: экзотической внешности, опрятные, привлекательные и вежливые. Жители большого города.

Джесс почувствовал себя деревенским невежей, сравнивая себя с людьми, которых встречал по пути к своему новому дому. Профессор Вульф подозвал огромную карету, в которую уместились все разом, и, когда та плавно повезла их вдоль очаровательных улиц, Вульф встал в проходе между сиденьями и начал говорить:

— Вы будете жить в доме Птолемея, — сказал он. — К вам будут относиться здесь как ко взрослым, никаких детских правил, никто не станет с вами нежиться. Комнаты совмещенные. Дом не лопается от роскоши. Там работают люди, но они не ваши слуги, и они не станут убирать за вами. Завтра вы начнете свое обучение. Я все понятно объяснил?

Все стали выражать свое согласие, а затем громко его произнесли, когда профессор потребовал говорить яснее. Когда карета припарковалась, Вульф вышел первым и исчез еще до того, как Джесс успел придумать хотя бы один вопрос. Да и не то чтобы профессор Вульф стал бы на его вопросы отвечать, подумал Джесс.

Дом Птолемея и впрямь оказался непримечательным, это было небольшое здание рядом с Александрийским университетом. Никакой роскоши, как и сказал Вульф, однако Джесс за свою жизнь успел побывать в местах и похуже. Здесь было прохладно и чисто, и это все, что имело значение.

На стене в коридоре висел список имен с распределением по комнатам. Джесс нашел свою, открыл соответствующую дверь и затащил свой чемодан, а секундой позже рухнул от усталости на ближайшую к нему кровать.